

A close-up portrait of a young woman with blonde hair, looking slightly to the left. She is wearing large gold hoop earrings and a white lace top. The background is a soft, out-of-focus mix of light blue and pink. The text is overlaid on the image.

Лиана Родионова

**Я ПРИДУМАЮ БУДУЩЕЕ
ЛЮБОВЬ ПОСЛЕ ЛЮБВИ**

16+

Лиана Родионова
Я придумаю будущее.
Любовь после любви

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56352665
SelfPub; 2023*

Аннотация

Впервые за десять лет Евгений Макаров не получил поздравлений от своей любимой женщины, с которой расстался более десяти лет назад. Тогда, в 2004 году, вскоре после их разлуки, до него дошли печальные известия, что Мария умерла. Но ее трогательные, полные любви письма, приходили к нему на почту в течение десяти лет. После странных совпадений Евгению в очередной раз стало казаться, что любимая жива. "Вам не хватает реального общения, – неожиданно заявил именитый психоаналитик. – А, быть может, вы сами писали себе эти письма?"

Лиана Родионова

Я придумаю будущее.

Любовь после любви

Из письма Марии (17 марта 2004 г.)

Здравствуй, Евгений!

Здравствуй, мой самый дорогой и любимый человек – мой гений! Если ты получил это письмо, значит, меня уже нет. Но мне теперь не страшно и не больно тебя потерять – ты остался моим навсегда!

Надеюсь, что, спустя три месяца после нашего расставания, тебе будет легче перенести такое печальное событие. Потому что самый трудный период уже позади.

Хотя весь мир ты еще воспринимаешь сквозь пелену. Но с каждым днем звуки – все ближе, а краски – все ярче. Предметы начинают приобретать реальные очертания, а тяжелые воспоминания уступают место здоровым мыслям и желаниям. И, наконец, становится легче дышать.

Твое единственное стс о том, что жизнь потеряла всякий смысл, и ты не знаешь, зачем тебе жить дальше, затерялось где-то в паутине сети сотовой связи среди холодного безразличия и вечного хаоса.

Но я уверена, что путь твой будет очень долгим и светлым, потому что отныне ты обязан жить за нас двоих!

Женька, любимый, постарайся найти покой в своей семье, и тогда ты обязательно почувствуешь тепло, уважение, а затем, обретишь долгожданное счастье.

Но, прости мой эгоизм: мне страшно представить, что ты меня забудешь!

Можно... тебе иногда будут... приходиться... мои письма? Я пока не знаю, как это сделать, но обязательно что-нибудь придумаю.

Я придумаю будущее.

Пожалуйста, не блокируй свой электронный адрес. Тогда ты будешь знать, что у меня тоже все хорошо. Просто я живу где-то далеко. И ты обязательно привыкнешь, что меня никогда не будет рядом. Теперь уже никогда...

Сейчас в это трудно поверить. Мы до сих пор необъяснимо чувствуем друг друга. Я слышу твои мысли, я понимаю твои желания. Я ощущаю, как твои губы нежно касаются моих, обжигая своим дыханием. Как сплетаются наши руки, как сливаются воедино наши души.

Родной мой, тебе есть, о чем вспоминать! Этого хватит на целую жизнь! Просто оставь в закоулках своей памяти наши встречи: как мы смеемся и спорим, сочиняем ветреные стихи и обнимаем друг друга на последнем ряду в зале кинотеатра. Вспоминай поцелуи в солнечной Венеции и в подворотне заснеженной улицы нашего городка, на мокрой от дождя скамейке опустевшего парка и в кухне твоей нелепой квартиры.

Мы вместе! Мы – одно целое, мы – неделимое! Мы – ощущение вселенского счастья и полноценной любви! Со мной навсегда остаются эти чувства.

Твоя Мария. Маха-Росомаха.

Юбилей Евгения (15 июля 2014 г.) Прошло десять лет

Я проснулся очень рано. Приснился запах. Со мной такое бывает.

Он был теплым и нежным, желанным и волнующим. Как всегда после этого сна, захотелось раствориться в нем до самой последней частицы, до самой последней капельки. Так, наверное, происходит во время общего наркоза, когда исчезает собственное «я», и пациент проваливается в бездонную пропасть. Только ощущения на операционном столе, скорее всего, иные: погружение в безысходность и неизвестность. Хотя, кто знает? Может, там тоже – покой и нега? Не знаю, по крайней мере, пока. Не был, не состоял, не участвовал. В смысле, не оперировался. Тьфу-тьфу, вот уже ровно пятьдесят лет от роду. Сегодня мой юбилей!

Я повернулся на спину, глубоко вздохнул, но глаза открывать не стал. Мой сон все еще манил и расслаблял меня своим ароматом. Ароматом далекого прошлого. Так пахли Машины духи. Одна знаменитая на весь мир французская фирма вдруг неожиданно перестала их выпускать, но тот чарующий запах до сих пор иногда мне снился. И я точно знал – к

чему. Сегодня будет письмо от Марии. Поздравительное.

Было всего двадцать писем от нее. Десять из них приходили каждый год 15 июля, в мой день рождения. Я всегда с нетерпением ждал ее теплых слов и мудрых пожеланий. Другие десять – я получал до или после Нового года. Вот тут я нервничал и, начиная с середины декабря, чуть ли ни ежечасно проверял свой почтовый ящик: *rosomaha@mail.ru*. Хмм, Росомаха...

Мы вместе когда-то придумали мне этот личный адрес, отправляя резюме в кадровое агентство. Машка сидела на подоконнике со своим первым ноутбуком и легко постукивала по клавишам, а я, счастливый и влюбленный, болтался рядом, поил ее кофе и целовал то в плечико, то в шейку, ласково называя ее придуманным прозвищем:

– Росомаха, ну, сочини уж что-нибудь, – промычал я и снова чмокнул ее.

– Ну, вот! Готово, – хитро ответила Мария и нажала «отправить».

Я обомлел:

– Конечно, я ценю твою исключительную креативность, но я же ни в «Гринпис» резюме посылаю!

А она в ответ только рассмеялась:

– Я принесу тебе счастье, любимый!

... Любимый! Мой взгляд устремился куда-то вверх, в потолок. Или в небо? Как давно это было! Но я почему-то до сих пор явственно ощущал, что по-прежнему любим. Ис-

кренне и преданно, как бывает только раз в жизни!

Это ощущение, и это спокойствие, конечно, пришли не сразу.

От первого письма, в котором говорилось, что ее больше нет, меня будто ударило током или я забыл, как дышать. Офис-менеджер вызвала бригаду «Скорой помощи», а я потом целую неделю пролежал на диване без движений и мыслей, и только коньяк ненадолго мог заглушить мои горькие мысли и безмерное горе. Взволнованная матушка тихо сидела возле кровати, готовила мне чай и бульоны, и по моей просьбе, не впускала жену.

Прочитав через три с половиной месяца Машкино второе письмо, а случилось это опять на рабочем месте, в моем кабинете, я разбил монитор вдребезги и, кажется, послал зашедшего ко мне директора завода куда-то далеко. Я был тогда его заместителем. Как интеллигентный человек, он ни разу мне об этом не напомнил. Выглядел я, наверное, очень скверно. Но на этот раз все обошлось без медиков – с корвалолом и мокрым полотенцем на мою буквально «закипевшую» голову. Игорь Васильевич отнесся снисходительно к моему эмоциональному поступку, но главному бухгалтеру приказал удержать сумму причиненного ущерба из моей зарплаты, чтоб другим неповадно было разбивать стоящую на балансе технику.

Какое-то время личную почту я не открывал. Но однажды, не выдержал, заскучал, и, будучи слегка нетрезвым, нажал

все-таки на значок «входящие». Там были сразу два ее сообщения с разницей в полгода. Прочитал, явственно ощущая, как на несколько секунд замерло сердце. Снова перечитал. И стало невыносимо больно за нас. За несбывшиеся мечты, за самую настоящую, единственную любовь всей моей жизни!

Потекли годы... А я с нетерпением стал ожидать Машинные небольшие послания. Более того, боясь кому-либо признаться, я стал ей отвечать. Устно, конечно. Но постоянно. Я обращался к ней по-разному: «Привет, Мария», «Росомаха, здорово», «Машуня, маленькая моя, здравствуй» (в зависимости от настроения). А дальше просто рассказывал ей о наболевшем. Или о чем-то радостно-переполнявшем, о чем никому не расскажешь, или надолго ударялся в воспоминания.

Память все же, сложная штука: порой я реально помнил свои чувства, ощущения, ну, то, что я испытывал при определенных обстоятельствах, а детали и даты стали из памяти стираться. Но, тем не менее, наш диалог не прекращался уже десять лет. Такая вот мистическая история. Не захотела Мария исчезнуть из моей жизни!

Да, и не сможет никогда, пока я живу за нас обоих! Потому что только пятьдесят процентов во мне составляет вода, а остальные пятьдесят – это наша любовь! Такова моя биохимия.

За открытым окном сработала сигнализация, слышал-

ся удар подъездной двери, писк домофона и стремительный стук женских каблучков. Дома тоже проснулись: вот жена прошла из своей спальни на кухню, вот захныкал проснувшийся внук. А я продолжал лежать и ожидать праздничного завтрака в свою честь. В честь Макарова Евгения Александровича.

Мне пятьдесят. Возраст? Не знаю, пока не ощутил.

Я – руководящий работник, у меня в подчинении около тысячи человек. Мой доход позволяет мне пару раз в год отправить жену на Европейские распродажи и съездить отдохнуть в цивилизованную Азию, а также – периодически делать довольно дорогие подарки своим близким людям. А это, по нынешним временам, многого стоит. Я, наверное, больше реалист, хотя ничто романтическое, как говорится, мне не чуждо. В определенные периоды жизни. Причем, молодость в расчет не берется. На то она и молодость, чтобы блистать романтикой! Сейчас же, прежде, чем совершить романтический поступок, я все продумываю и просчитываю, вплоть до будущей реакции окружающих меня людей и случайных жизненных попутчиков.

Заманчиво, конечно, воспринимаются в обществе слова обманутого Ипполита: «...Как скучно мы живем! В нас пропал дух авантюризма, мы перестали лазить в окна к любимым женщинам, мы перестали делать большие хорошие глупости»... Я их периодически и с удовольствием цитирую, но романтизм с некоторых пор у меня строго дозированный.

Ведь женщины все равно продолжают обращать на меня внимание.

Я достаточно, даже сверх достаточно, высок. А, как говорила моя мама: «Высокого человека полюбить можно быстрее – он издалека виден». Плюс я не лысый, как большинство моих ровесников, а до сих пор являюсь обладателем прекрасной для моих лет объемной шевелюры. Почти не седой. Хотя по статистическим данным, наличие лысины и седины никак не отражается на количестве разводов. Любят всяких. И разводятся со всякими. Но даже, зная это, все равно приятно ловить завистливые взгляды своих ровесников мужского пола.

Чаще всего я веду активный образ жизни. Все-таки мастер спорта по большому теннису! Было у меня такое увлечение в молодости – выигрывать медали и кубки на соревнованиях бывшего Союза для института и области. А потом, некоторое время, для нашей страны. Теннис – это было даже не увлечение, нет! Это было мое призвание, моя неудачно сложившаяся спортивная карьера, увы, не принесящая мне всемирной славы, о которой я тогда так мечтал.

Секций большого тенниса в нашем городе в те годы долго не было. А как только открылся первый корт, я сразу же туда и рванул. Чуть раньше, чем многие другие. Поэтому и научился быстрее всех, и получаться стало лучше всех. Плюс мой родственник помогал поначалу мне себя показать. А потом – все, как по маслу: сборы, чемпионаты, победы. Мно-

го раз предлагали заняться теннисом серьезно. И однажды я рискнул: бросил институт и переехал в Москву. Тренировался два с половиной года в национальной теннисной сборной СССР, вошел в мировой рейтинг известных теннисистов, с его дальнего конца, правда, но вошел.

А дальше жизнь развернула меня в обратную сторону, и я вернулся в свой город, восстановился в химико-технологическом институте, чтобы получить, как хотели родители, стабильную специальность, что важно было в тот период времени. И, в принципе, ни разу не пожалел. Зато постучать ракеткой люблю до сих пор. Особенно на отдыхе! Поражаю туристов своим профессионализмом и непременно белым костюмом. Снежный Барс, да и только. Так называла меня Маша.

Я бываю болтлив. Но все реже и реже. В такие моменты меня не остановить ни Андрею Малахову, ни господину Познеру, а все присутствующие при этом женщины не сводят с меня своих восхищенных глаз. Особенно, молодые.

Я бываю молчалив, что происходит все чаще или, я бы сказал, глубже. Ухожу в себя. И все происходящее струится мимо, где-то рядом, в другом измерении. До тех пор, пока я оттуда не вернусь. Пока не сложатся в моем сознании «пазлы» очередной жизненной ситуации. Или прошлой. Эта давняя тема еще продолжает занимать меня. Я размышляю: «что, если бы...», или «как бы, если бы ни...», ну, и так далее. Нет, это не самоедство! Я назвал бы это «глубоким ана-

лизом» своей пятидесятилетней жизни.

Я женат. Вот уже почти тридцать лет. Как и почему именно эта женщина рядом со мной? Об этом как раз я размышляю редко. Можно сказать, почти совсем не думаю. Потому что не хочу! Потому что знаю и не желаю вспоминать!

Женаты мы, скорее всего, навсегда – до победного, нет, скорее, исходного часа. Моего. Уверен, что он пробьет первым.

Люблю ли я жену? В том смысле, в котором, слагают стихи и пишут не горящие рукописи, создают великие творения скульптуры и живописи, – конечно, нет. Просто мы почему-то оказались чрезвычайно родными людьми. Наверное, такими родными становятся раз и навсегда все родители, которые вместе воспитывают любимых детей. А наша единственная дочь всегда была очень любима нами!

А мы, как приложение к ней: не пылающие страстью, но существующие рядом. Я бы сказал точнее, неплохо существующие рядом и не обременяющие друг друга тяжелыми выяснениями типа: «Ты меня любишь?» или «Почему ты со мной не разговариваешь?». По крайней мере, последние годы.

Хотя бывало в нашей жизни всякое, и до развода мы доходили ни раз. Но так и не дошли. Основной и самый главный такой период в моей голове и в моем сердце не забылся до сих пор. Но жена сейчас спокойна, а это в совместной жизни очень важно!

До и после Маши у меня были и, думаю, всегда, будут кратковременные связи. Именно связи, ни романы. Отношения с Марией были тем единственным, пожалуй, в моей жизни рычагом, который мог бы вырвать меня из привычного жизненного круга. Но тогда этого, увы, не случилось. Не случится, тем более, и в будущем.

На нас с ней неожиданно обрушились обстоятельства, которые препятствовали нашему дальнейшему союзу. Причем, двусторонние. Маша не все мне успела рассказать, но, несмотря ни на что, я знал, что она была готова пойти до конца. А я только сейчас понимаю, что делал свой выбор, думая в первую очередь о себе. Хотя тогда я считал, что поступаю благородно, и исключительно ради семьи!

Я не боялся перемен, потому что слишком много любви было у нас с Марией на двоих! Тем более, что таких женщин, как она, жизнь посылает только один раз. И, страстно желая остаться с ней, поступил по-другому.

Мне казалось, что я думаю о тех, кого хотел оставить: о жене, о моей дочери, так рано пострадавшей от взрослой жизни! Я переживал о маме, которая никогда не оправдывала моих связей «на стороне».

Не знаю, как жена, но мама и дочка меня, в конце концов, простили бы. Может быть, не сразу, но обязательно простили. Поэтому причина, однозначно, во мне. Просто я не готов был сделать этот шаг! Испугался несправедливых порицаний в свой адрес, не хотел бесчисленных объяснений и ко-

сых взглядов. Как обычно говорят: «Вот, гад. Бросил семью! И еще в такой момент!» Наверное, мне сложно было бы это пережить.

Но, если б я только знал, что потеряю свою любовь навсегда! Тогда, я думаю, драйва мне бы хватило. Но я не знал.

Маша на прощание сказала:

– О том, какой была бы наша совместная жизнь, ты будешь думать всегда!

Сказала, поцеловала и исчезла...

Домашний шумок нарастал. Звякала посуда. Не напрягаясь, можно было услышать ворчание зятя и шепот внука Ваньки. Сейчас они все завалятся ко мне в комнату. И я решил, что пора вставать.

Зарядка в мои планы сегодня не входила, поэтому я надел уютный халат и подсел к компьютеру.

– Ну, Росомаха, чем порадуешь на пятидесятилетие? – улыбнулся я и открыл свою почту. Письма не было! Впервые за 10 лет...

Если честно, я растерялся, потому что поздравительные письма от Марии приходили всегда с утра. Но подумать и расстроиться не успел, потому что в комнату забежал Ванюшка с размалеванным альбомным листком в мокрой ладошке.

– Деда, посмотри, какую машину я тебе нарисовал, – радостным колокольчиком зазвенел малыш. Он залез ко мне на колени, и, удобно устроившись, начал рассказывать про ма-

шину: где у нее капот, какие у нее большие колеса, и сколько долларов она стоит, одновременно тыкая пальчиком в клавиатуру моего компьютера. Я поцеловал его в кудрявую макушку и повернулся вместе с малышом на кресле, чтобы он не доставал до стола.

Ирина, жена, произнесла стандартные поздравления и протянула свои подарки – элегантную рубашку модного дизайнера и билеты на концерт какой-то поп-звезды с неизвестным мне именем. Зять пожал руку, а любимая дочурка повисла на мне, обхватив шею двумя руками:

– Папулечка, как я тебя люблю! С юбилеем тебя! Подарок от нас с Мишей будет в ресторане.

Мой день рождения мы впервые решили отпраздновать в общественном месте. Я это обычно не приветствовал. С детства люблю милые домашние посиделки. Но юбилей неожиданно захотелось отметить с размахом, и под девизом: «А вот я какой, смотрите...!» Я пригласил целую кучу гостей: помимо родственников и близких друзей, приглашение отпраздновать мой юбилей получили коллеги, соседи и даже несколько друзей детства.

С институтской компанией решили собраться позже, когда Антон, мой близкий друг тех далеких лет и свидетель моих увлекательных амурных походов, приедет из Германии, где проживал уже пятый год.

За завтраком мы весело дурачились и подшучивали над Ванькой.

«Хорошо!», – подумалось мне. «Нет», – тревожно завывло мое подсознание.

Начались телефонные звонки и, надеюсь, искренние пожелания здоровья, долголетия и семейного счастья! Да здравствуют современные средства связи: с одной линии я переходил на другую, затем – на третью; потом возвращался к первой. Умудрился даже конференц-связь включить, когда звонившие принадлежали к одной компании.

Два раза в собственном телефоне проверил почту. Письма от далекой любимой, по-прежнему, не было. Звонки не заканчивались, а грустные мысли эфемерным назойливым осьминогом опутывали мое сознание.

Ну, что, видимо, поздравления уже не будет, – подумалось мне. Наверное, все запасы и нереальные Машкины возможности были исчерпаны. Но почему все закончилось именно сегодня? Неужели было трудно написать еще одно письмо? Видимо, я начинал бредить! Кого я пытался обвинить?

«Спокойно, – шептал я себе, – они ведь не могли приходить вечно!»

Когда Маши не стало, она тоже написала мне о вечности! А сам факт появления этих писем в моей почте в течение десяти лет был необъяснимым и нереальным!

Опять зазвонил телефон. Из далекого Ярославля сквозь километры доносился жизнеутверждающий бас моего одноклассника. Я уже плохо слушал, и только его последнюю фразу «...следующие пятьдесят лет...» в своем сознании

закончил совершенно по-иному. По-своему: «...следующие пятьдесят лет я проживу без Марии».

Я стал себя уговаривать, даже сердиться. Ведь ее не было уже почти десять лет (я так и не привык применительно к ней говорить и думать, что она умерла. Но ведь это так. Она умерла. Десять лет назад). Это очень большой жизненный срок, но на душе у меня было такое ощущение, что я снова теряю ее! И это уже – в третий раз!

Несколько минут я тупо разглядывал за окном безобидную возню соседских близнецов, потом включил кондиционер, хотя было еще не жарко, и решительно налил себе коньяка.

– Не рано ли начинаешь, дорогой, – съехидничала жена, добросовестно отпаривая утюгом мой белый летний костюм.

Не хотелось рычать в ответ – она же ни в чем не виновата! Поэтому я молча выпил пару стопок и набрал номер такси.

– Отъеду я, Ир. Хочу побыть один.

– С чего бы это? – удивилась она. Но спорить не стала.

В последние годы так было всегда. Куда-то вдруг неожиданно пропали все ее придирки и приступы ревности. Она стала покладистой и заботливой.

Когда уходил, вслед донеслось: «Не пропадай надолго», а я – уже с лестничной клетки – откликнулся: «Хорошо».

В такси меня немного отпустило, и я позвонил маме. Поздравил с днем своего рождения, поинтересовался здоровьем и попросил, чтобы она обязательно приходила меня по-

здравить в ресторан. Предупредил, что пришло за ней машину!

А на тротуарах мелькали расслабленные взрослые и шустренькие ребятишки с мороженым в разноцветных упаковках. Разгар июля. Лето.

В субботу офис, естественно, не работал. Охранник, которого я отвлек от разгадывания «сканворда», поначалу испугался. Кто ж любит визиты начальства в выходной день? Но уже через несколько минут он дружественно заглядывал мне в глаза, называя «лучшим директором всех времен и народов», и желал крепкого здоровья. Эта разительная перемена объяснялась просто: начатую бутылку коньяка я прихватил с собой и любезно поделился с ним очередной дозой.

Тихо. В кабинетах не трезвонят телефоны, не шумит кофе-машина в комнате отдыха, не видно переглядывающихся подчиненных, ожидающих от меня непонятных вопросов и неожиданных поручений.

Тихо. Вот сюда я сознательно стремился. Захотелось покурить прямо у себя в кабинете и почитать последнее поздравление от Машки – письмо, пришедшее год назад. Я надеялся найти какие-то намеки на то, что оно будет последним.

Из письма Марии (15 июля 2013 г.)

Привет, мой милый Женечка! С днем рождения тебя, очередным и желанным. Я же знаю, что ты любишь отмечать свои памятные даты.

Пытаюсь представить тебя... Сегодня пятница, ты на рабочем месте распаковал файл с моим письмом, скорее всего, распечатал его, читаешь и улыбаешься. Если на тебя сейчас кто-то смотрит, то лучше отвернись, потому что улыбка у тебя не вполне адекватная. Я бы сказала, с «сумашедшишкой».

Посмотри на соседнее окно – я сижу на своем любимом подоконнике, болтаю ногой и тоже тебе улыбаюсь. Видишь? А в руках у меня воздушный шарик, легкий и волшебный. Придумай и напиши на нем свои желания. Ты можешь совсем не стесняться меня – я ведь знаю все твои великие секреты.

Готово? Когда я соберусь уходить, я заберу его с собой. Тогда все, ну, почти все, обязательно исполнится. Очень хочется быть твоим Ангелом!

Желаю тебе прекрасного года – ведь это твой персональный Новый год.

Пусть легко все складывается! Хотя это не про тебя! Ты привык все взваливать на себя – как будто другие могут не справиться. Конечно, лучше тебя им это вряд ли удастся, но все же, побереги себя, пожалуйста. Потому что с возрастом сил все равно меньше, в смысле, меньше, чем в молодости. А тебе продолжает казаться, что ты неуязвим.

Ты всегда был самым лучшим. Ты – Гений. Мой Гений. Мой любимый мужчина!

Скоро у тебя отпуск. Я не ошибаюсь? Мне кажется, вам с Ириной нужно съездить в Норвегию. Вы там не были? Можно отдохнуть на живописнейших фьордах и посмотреть много интересного. Плюс неповторимые ощущения от высококлассных паромов тебе, думаю, тоже понравятся. Путешествие получится необыкновенным!

Теперь о себе нужно что-то написать.... Сейчас придумаю...

Пусть будет так:

Я только приехала из отпуска. Вновь открыла для себя Италию, вернее, чарующую Тоскану: с ее известными на весь мир пейзажами и великолепными винами. (А помнишь наше коротенькое путешествие в Венецию? Это была совершенного неожиданная ноябрьская сказка!) В этом году я так же бродила по улочкам, замирала у Флорентийских полотен и скульптур, забиралась в горы, любовалась озерами и вспоминала о нас...

Я писала тебе, что я разошлась с мужем? Нет? Пишу. Наверное, такое могло бы в конце концов случиться. Только в конце 2003 года наше расставание было бы болезненным и драматичным, а сейчас, в 2013-ом, – мы просто тихо разъехались.

Так что, я теперь свободная, и почти молодая. Хотя «молодая была немолода»! Как у Ильфа и Петрова. Но, думаю, что я все еще симпатичная. Вот только глаза какие-то тусклые. Хочешь, открою великую тайну о любой

женщине: как на самом деле ей живется? Она может быть обладательницей замечательная фигуры, ухоженной кожи, стильного гардероба. Но загляни в ее глаза – что в них: боль и отчаяние или заманчивый блеск и любовь?

Мне кажется, что у меня уже давно очень грустные глаза... И только где-то в глубине горит неугасимый огонек нашей Любви.

Но, пожалуй, мне пора. Я выпускаю шарик, и он взмывает вверх.

Смотри, он уносит в небо твои секреты. Целую тебя. В глаза, в губы, в волосы. И прижимаюсь к тебе крепко-крепко. Чувствуешь?

Твоя Маша.

Юбилей Евгения (15 июля 2014 г.)

Я чувствовал. Чувствовал тоску и безысходность.

– Эх, Маха! Ну, что же ты меня бросаешь? Думаешь, что за десять лет я успокоился окончательно, и мне уже не будет больно? Ведь Любовь сильнее Смерти, – говорила мне ты, и с упоением рассказывала о парижской любви Маяковского. Долгие десятилетия после смерти поэта, Татьяна Яковлева получала его прекрасные букеты... Вот почему тебе пришла мысль – посылать мне письма. Наверное, ты просто не успела написать их больше! А я даже не знаю, где ты нашла приют? И где твоя могила?

Любовь сильнее Смерти.

Я понимал, что нужно сосредоточиться на этих словах! Ведь миллионы, миллиарды людей хоронят своих близких. Навсегда. И уже не получают от них никаких весточек. А каждому бы хотелось еще хоть один раз услышать любимый голос, прочитать затерявшееся во времени письмо. Милая моя девочка, ты так любила меня, что захотела облегчить мою утрату! Хотя бы попыталась.

Грустно...

Но у меня есть двадцать твоих писем – это целое состояние. И фотографии, покрытые моими поцелуями. И твой романтический институтский дневник.

Ты притащила мне его однажды во время наших свиданий.

Как всегда стремительно ворвалась в комнату, не раздеваясь, уселась ко мне на колени и с усердием начала вытаскивать из своей сумочки затертую тетрадь с разноцветными бабочками на розовой обложке.

– Вот, – заявила ты. – Детские дневники выбросила, а этот оставила, решила дать тебе почитать. Только не смейся!

Мария прильнула ко мне, и весь мир сразу исчез. Такое это было ощущение, такое высшее наслаждение, такой покой, что трудно объяснить! «Маленькая моя, – нежно прошептал я тебе, целуя ладошки твоих рук, – самая любимая...»

Вспомнилось... Навеяло... Я открыл глаза, выпил еще коньяка, спрятал бутылку в шкаф. Достал мобильник, и, начав

набирать номер, вдруг остро почувствовал ее присутствие, дурманящий запах духов... Какое-то наваждение. Слияние миров в стиле фэнтези, да и только. Резко открыл окно. В синее июльское небо медленно поднимался розовый воздушный шарик...

Из личного дневника Марии (институт 1983-1987 гг.)

1 сентября 1983 г.

Ура! Первое сентября! С детства люблю этот праздник! И вовсе не за стремление к знаниям! Просто собираются добрые друзья, появляются какие-то задачи и общие цели. Тайные взгляды и вздохи, сравнение себя с ровесниками, стремительное приближение взрослой жизни, в общем, все самое лучшее определенно начинается в сентябре.

Мама с утра занудно расспрашивала, во сколько у нас собрание, будут ли занятия, и, естественно, я ухожу до обеда или до ночи? Скорее всего, последний вопрос ее интересовал более всего. Знает, что я шалая, ну, увлекающаяся, короче!

Я еще пока и сама не знаю, как сложится сегодня день знаний! Мы – второкурсники, но на «Посвящении в студенты» первокурсников быть обязаны. Потом состоится собрание и первые лекции. Затем все это нужно как-то отметить! Придумаем, как... Убегаю.

Р.С. На мне – новенькие джинсы, подаренные тетей Мариной из Дрездена, и воздушная кофточка, сшитая мной за один день из найденной у бабули полутораметровой «марлевки». На ногах – новые югославские туфли. И еще (о, это настоящее чудо) мама купила мне самый настоящий кожаный «дипломат»!

7 сентября 1983 г.

Событий произошло очень много. Об одном, особенно значимом, постараюсь написать подробно, если не засну раньше времени.

«Посвящение в студенты» было долгим. На заднем институтском дворе, где у нас большая асфальтированная площадка, построились все курсы. Мы плавно переместились с центрального места, которое занимали в прошлом году, в тихий полутемный уголок двора. И началось! Мальчишки покуривали, щипали нас, многозначительно переглядывались и рассказывали не очень приличные анекдоты. А мы, девочки, естественно, потихоньку хихикали и рассматривали друг друга. У меня зрение уже давно минусовое, но моя подруга Наташка докладывала мне все, невидимые моим очам, детали:

– Посмотри, какое у Валеевой декольте. Мишка сейчас в него провалится глазами.

– Опа! Мокшанова с Саньком Перельгиным за руки держатся. Это когда ж они успели снюхаться? В стройотря-

де, наверное.

– Маш, ты не туда смотришь! Галигузова не в «положении» ли? Смотри, как поправилась!

И дальше все в том же духе. Я слушала ее, улыбалась и отводила взгляд от Сергеева Анатолия, который постоянно на меня смотрел. Я знала, что нравлюсь ему. Весь первый курс он постоянно околачивался рядом: в раздевалке, в буфете, на автобусной остановке. Все пытался заскочить в мой автобус, хотя ехать ему куда не нужно. Он жил в центре, а мне добираться до дома нужно было минут сорок. Сегодня я опускала глаза, хотя мне он был безразличен. Но приятно все же кому-то нравиться!

– О, Мэри, – застонала моя подруга, – смотри! Да не в ту сторону! Посмотри на трибуне какой красавчик!

Никакого красавчика я, естественно, не увидела. Просто рядом с деканом появился высокий силуэт. И ведущая нашей торжественной линейки, секретарь комсомольской организации, тоже, кажется, Мария, объявила, что студенческие билеты первокурсникам, кроме декана, будут вручать, во-первых, какая-то Ленинская стипендиатка Валерия Гасанян и, во-вторых, звезда отечественного спорта и нашего института Макаров Евгений. Лица его я не видела, а вот вздохи услышала – прямо волна по рядам прокатились. Наши парни, увидев женскую реакцию на этого спортсмена, подняли такой галдеж, привлекая наше внимание, что куратор сделала им замечание.

– Машка, слепуха, если бы ты видела, какой он красивый. Ну, прямо Аллен Делон, – скулила мне в ухо Наташка.

– Подумаешь, – независимо ответила ей я и состроила глазки Толику.

Первокурсники тоненьким ручейком струились вокруг импровизированной трибуны. Большинство из них стеснялись, стараясь побыстрее стать в общий строй. Но были и особенные, – коронованные, так бы я их назвала. Кто им корону надел, неизвестно, но несли они ее весьма торжественно.

Я сама в прошлом году в такой короне долго ходила. Мне казалось, что я самая распрекрасная! Но потом поняла, что все, абсолютно все, нужно доказывать: и свой ум, и свой юмор, и желание дружить, и, если хотите, даже красоту. Красивая? Значит, должна быть безупречной: читай модные журналы, шей, вышивай, доставай модные шмотки, где хочешь. Короче, соответствуй. Тогда твою корону все будут видеть, а не только ты.

После торжественной линейки было часовое собрание, где декан пугал и хвалил наш курс одновременно. Мне вообще временами казалось, что он нам завидует! Сан Саньич – толстый, лысый и старый. Ему, наверное, лет пятьдесят-пятьдесят пять. И что впереди у него: пенсия и болезни? А мы молодые, стройные и бешеные! Интересно, я в пятьдесят лет буду какая? И будут ли мне интересны мужчины?

Сейчас очень интересны! Большие, правда, пока меня вол-

нует их отношение ко мне. Какое-то нестерпимое желание нравиться. И, желательного, всем! Может быть, со мной что-то не так?

Моя Наташка мне всегда завидует, докладывая, что, то один на меня уставился, то другой! А я и не вижу – плаваю себе в своем аквариуме и наслаждаюсь собственной чешуей. И короной, конечно. Теперь она у меня заслуженно поблескивает! Потому что со мной хотят дружить девчонки, меня приглашают на дискотеки и посиделки в общежитии, ко мне, в конце концов, подходят знакомиться парни. Я в такие моменты не кривляюсь, не стесняюсь, но на шею первому встречному бросаться не собираюсь! Увидят симпатичную мордашку в раздевалке, и, давай меня приглашать! Ага, щас! Вот пусть себя хоть как-то проявят, как Толик Сергеев, например.

Прежде чем идти отмечать начало нового учебного года (а «начать отмечать» решили у нашей старосты Аньки дома), нужно было получить учебники. С 14.00 до 15.00 был предписанный нам час. Не получишь сейчас, потом настоишься вдоволь, да и необходимой литературы может не достаться. А задавать «домашку» начнут уже с завтрашнего дня. Влезать в отработки с первой недели не больно-то хотелось!

Стояли мы ни друг за дружской, а кучей, получали замечания от сотрудников библиотеки с просьбой соблюдать тишину. Мальчишки бегали курить, девчонки – в буфет за бу-

лочками «на всех». Здорово, весело! Но веселье весельем, а ноги в новых туфлях все же заныли, и я пошла искать место, чтобы хоть на минуточку разуться.

Свободные стулья оказались только напротив – в читалке. И я, с кайфом скинув тесную обувь, расположилась там. Столы были свежееокрашенными, на их поверхностях играли солнечные лучики. Длинные ряды картотеки поблескивали новыми наклейками. В конце прошлого года, помнится, вместо них были одни лохмотья. «Вот как мы стремимся к знаниям», – похихикала я про себя, и, от нечего делать, начала листать подшивку нашей институтской газеты «Химическая индустрия: наше будущее» за весь год, или даже больше.

Сверху лежал, конечно, последний экземпляр, в котором я прочитала заметку о нашем стройотряде и чудесном свинокомплексе, который мы сдали в срок. Там даже была фотография: мы все, в рабочей одежде на фоне того самого сварника. Фото было нечетким, да и сама газета выпускалась самого низкого качества, поэтому себя я нашла с трудом. По Наташке. Она-то успела снять косынку и распушить свои прекрасные рыжие волосы. На фотке они, конечно, были серые, но развевались достойно! Ну, а рядом – что-то размытое, в платке и с ведром, наверное, я! Господи, ну, хоть бы ведро на землю поставила! Но ничего – посмотрела и полюбовалась все равно.

А вот в предыдущем номере, июльском, я увидела Его. И

в майском номере, и в мартовском, и в февральском... Так вот ты какой – Евгений Макаров! Фотографий было много. В основном, на корте, с ракеткой в руке: в прыжке, в броске, и еще две, так сказать, в прыжке от радостной победы. На серой бумаге его очертания были белыми. Значит, в реальности должны быть белоснежными. «Снежный барс», – пронеслось в сознании.

Еще одна фотография была, видимо, для доски почета – обычная, как для документов, там, где чемпион был в костюме с галстуком, и с жуть-какой серьезной физиономией. Крупная. Четкая. Вот ее-то я и сперла. Вырвала, что называется, с корнем. Сама от себя не ожидала. А, главное, зачем? Хорошо, что вовремя успела спрятать этот обрывок от глаз задремавшей библиотекариши и неожиданно ворвавшейся в читалку Натальи.

– Пошли, хватит тут яйца высиживать. Там такая умора произошла, обхохочешься. И очередь наша подходит, наконец, – выпалила она.

Народ смеялся с нашего весельчака Мишки, который наряду с другими книгами, положил в свою стопку вместо какой-то там технологии, похожее по цвету издание «Психологические аспекты импотенции». И откуда оно только появилось на столе массовой выдачи учебников и лабораторных пособий? Одному Богу известно. Но такое могло произойти только с Мишей, это однозначно. Выразив ему определенную долю наших милых издевательств, мы, не пере-

ставая хохотать, наконец, покинули институт.

– Давай я тебе помогу, – наклонился ко мне Толик. Я покраснела, но протянула ему уже норовивший порваться пакет. Моя Натка сделала вид, что не заметила.

День Знаний мы отмечали бурно. Пили шампанское, поговорили о летних каникулах: кто где был, что видел? С девочками обсудили покупки и интимно похвастались приобретенным загаром. Потом Анна начала варить нам кофе. И с заманчивым видом вытащила из секретера бутылку коньяка. Видимо, из отцовских запасов.

– Будем пить кофе с коньяком, – романтично, произнесла она.

Кофейную турку пришлось эксплуатировать несколько раз. Но, наконец, ароматный напиток был торжественно разлит по аккуратным фарфоровым чашечкам, и Наташка, строго дозируя, добавила всем по одной ложечке коньяка.

Мы пили кофе, придав себе эстетический вид, вспоминали судьбу Марины Цветаевой и последний фильм Андрея Кончаловского. А я не удержалась и почитала Ахмадулину. Салон матушки Шерер, не иначе.

Но все, как всегда, испортил Мишка. Он смачно облизнулся и произнес:

– А теперь давайте – по три ложечки коньяка. И без кофе!

Мы рассмеялись от души.

Коньяк все-таки со временем был выпит, и все разъехались по домам. И по общежитиям.

Мне, как всегда, пришлось мягко отшить Толика. Впрочем, он, как всегда, не обиделся.

А потом, дома, лежа в постели, я долго разглядывала любовно вырезанную из газетного обрывка фотографию. Его. Евгения Макарова.

28 сентября 1983 г.

Нас все-таки вырвали из лап всеобъемлющего поглощения знаний и отправили в колхоз «Пятьдесят или шестьдесят лет Октября» для помощи не справляющемуся без нас сельскому населению в сборе богатого урожая яблок.

Но мы не очень расстраивались! Все были рады свалить из института на пару недель. А, лучше бы, на месяц. И я тоже, естественно, не была исключением. Моя мамочка безрезультатно пыталась притормозить мои благие порывы, пугая меня периодически обостряющимся артритом, но я была непреклонна!

– Урожай яблок Страны Советов гибнет, – ехидничала я, – и нуждается в моей помощи!

Так что в назначенный день я уехала, прихватив дефицитные консервы, которые она достала мне по великому «блату». А именно: десять банок шпрот, десять банок лосося и десять банок сгущенки. Это потом, на месте, сравнив наши запасы, мы пришли в «ужас» – все они оказались

одинаковыми. И, уже спустя десять дней, мы меняли банку «дефицитных» шпрот и банку еще более «дефицитного» лосося на одну банальную, с родным названием «Килька в томате».

Со сгущенкой, правда, проблем не возникло: ее обожали все и в любых количествах. У нас даже очередь установилась на «облизывание» тары. И, когда Танюшка из соседней группы вдруг безапелляционно заявила: «Сегодня моя очередь облизывать банку», – все дружно на нее накинулись: «Ты облизывала три дня назад. Сегодня очередь Наташки».

Так проходили наши дни. Днем мы скакали по деревьям, вечерами, в резиновых сапогах и телогрейках, танцевали под выставленные из окон бараков «колонки», откуда грохотали «Смоки» и Андрей Макревич. Иногда пили «Сливянку» и покуривали «Мальборо» в тайне от мальчишек! Может, у кого-то и любовь случилась, не знаю. В темных садах иногда слышались вздохи и таинственные шорохи. Мне завидно не было. Толик Сергеев с нами не поехал; его стального напора мне сдерживать не пришлось. А мимолетные, не очень настойчивые намеки однокурсников – это, явно, не для меня.

Случилась, правда, одна трагикомическая ситуация. Я тогда разволновалась, а теперь вспоминаю со смехом. Короче, мы с Мишкой как-то забрались на развесистую яблоню со своими мешками-крючками, поговорили по душам, а потом, почему-то запели:

– Не для меня приде-оот весна, не для меня Дон разолье-оотся.....

Хорошо, кстати, пели. Душевно. Но мимо проходил наш руководитель. А был он не из душевных, как оказалось. Ну, не понравился ему наш дуэт. В результате, нас сняли с дерева, а вечером на комсомольском собрании сообщца «взяли на поруки».

Дни проходили за днями. А ночами я почему-то думала о Макарове.

Третьекурсники от колхоза были освобождены, у них была практика. И, кроме того, моя Наталья зачем-то доложила мне, что Макаров – на очередных соревнованиях. Видимо, Евгений тоже запал ей в душу. Но мы об этом, даже после распития «Сливянки», никогда не разговаривали! Почему-то...

1 ноября 1983 г.

Октябрь был серым и тоскливым. Мы вернулись из колхоза, и началась дикая «гонка» материала по всем предметам. Чтобы получить хотя бы «удовлетворительно» на текущем занятии, приходилось сидеть до двенадцати ночи, а то и до часу. Мы списывали друг у друга задания и конспекты, носили по очереди учебники, чтобы не насиловать «дипломаты», отсыпались на лекциях, когда это было возможно.

Но дискотеки по субботам никогда не пропускали. Моя

мама, провозжая меня каждую субботу, с надеждой спрашивала: «А ты могла бы, например, хоть одну субботу остаться дома?». «Нет! – решительно и бесповоротно отвечала я. – Иначе на следующую трудовую неделю настроя не будет!». И мама пожимала плечами, закрывая за мной дверь.

Иногда, перед особенно тяжёлыми предметами, распределяли вопросы практикума: кто на какой вопрос будет отвечать. И, ни дай Бог, кому-нибудь эту очередность нарушить – одноклассники устроят показательный суд и лишат сладкого (то есть шампанского, как минимум, на две субботы).

Я недавно так проштрафилась. И наше общегрупповое чудо Михаил, как оказалось, тоже.

Поскольку Макарова я за прошедшее время не встречала, я загрустила. Ну, никак было мне себя не проявить! Поэтому, чтобы не терять форму, однажды, прямо после занятия, я и не отказалась от предложения одного симпатичного парнишки прогуляться. На мне были как раз новые сапожки – нужно было всем показаться. И мы с ним пошли от института по нашей главной улице: разговаривали, обменивались мнениями, даже спорили – все складывалось, вроде бы, неплохо. Неожиданно начал накрапывать противный осенний дождик. Пока раскрывали мой зонтик, успели вымокнуть. Но прогулку все равно не прекращали, так и шли, мокрые, прижавшись друг к другу, остановок, как минимум,

пять.

Это я так к себе прислушивалась – возникают ли у меня какие-нибудь ощущения от близкого общения с парнем? Ну, в общем, не особенно возникали. Чего нельзя было сказать о нем, потому что, когда наш маршрут уткнулся в тупиковую площадь, он, не желая расставаться, затащил меня в кинотеатр. Фильм был интересный, двухсерийный. Мы даже успели высохнуть. Андрей периодически нежно поглаживал мои уже согревшиеся пальчики и шептал комплименты. Ну, и все, собственно.

Домой я приехала поздно, раскрыла учебник по диамату, посмотрела, что выделенный мне вопрос по счету будет пятым, и я определенно успею его прочитать на занятии! С чувством глубокого удовлетворения, я заснула, как всегда призывая своего Ангела-Хранителя, чтобы мне приснился Макаров.

Но он не снился.

Зато на следующий день, преподаватель, известный всему ВУЗу своими хитростями, лихо поменял очередность вопросов. И первым назвал мой, ну, тот, который я должна была выучить, иначе собьется вся последовательность.

Друзья удивленно смотрели на меня, даже не просто смотрели, а сверлили взглядами! Поэтому мне пришлось встать и уверенно произнести первую фразу. Звонко и достойно, как я умею! И замолчать, потому что вторую – я даже прочитать не успела.

В результате, поставив мне «неуд» на мой вопрос он вызвал Наташку, которая учила третий по счету вопрос, ну, и так далее – по кругу. Все получили «неуды». Плюс дополнительное количество конспектов к следующему занятию.

Крик стоял на весь наш огромный коридор – народ называл меня безответственной и предательницей, или точнее, безответственной предательницей сразу. Я, заняв бойцовскую позу, начала красочно лгать про больного дедушку, у которого я, якобы, провела весь вечер и всю ночь, а учебника диалектического материализма у дедушки, как назло, не было!

– Ага, видел я этого дедушку, – заявил вдруг Мишка, – Андрюха Старков с первого потока его зовут. Оказалось, этот балбес, в смысле, Михаил, следил за нами до самого кинотеатра. Более того, сидел потом рядом с нами на соседнем ряду. Интересно ему было, видите ли, чем у нас все закончится? Поеду я к Андрею в «общагу» или нет? Все снова зашумели на меня со страшной силой!

Но тут мне пришла в голову гениально-спасительная мысль.

– Послушайте, так ведь Михаил тоже не выучил свой вопрос, раз он таскался за нами пять часов подряд! И, если начали бы с него, у нас у всех все равно были бы «пары».

Короче, все, наконец, расслабились, посмеялись и отправили нас с ним в буфет за булочками.

Толчея там была похожа на упругую разноцветную гусе-

ницу. В воздухе пахло молодостью и, пардон, похотью. Стоять в этой очереди, в этом Содоме, было неохота, но зато я увидела Женю, вернее его темно-русую шевелюру, возвышающуюся над всеми. Он быстро затарился большим бумажным пакетом с кексами, и, легонько расталкивая всех, скрылся в общем коридоре. Только голова моя от его мимолетного присутствия слегка успела закружиться!

На меня даже не посмотрел.

12 ноября 1983 г.

– Ну, не сдать мне дифзачет по физколде (так мы называли физическую и коллоидную химию), – стонала Наталья.

Мы сидели на подоконнике в туалете запасного корпуса нашего института и курили одну сигарету на двоих.

– Если тебе будет спокойнее – я ее тоже не сдам, – вздыхала я и поглядывала в окошко на соседнее здание, в котором располагался спортзал – очень хотелось увидеть нашего знаменитого теннисиста. Подруга поймала мой взгляд и выпалила:

– Хочу в секцию большого тенниса записаться. Там недобор, вроде. Не пойдешь со мной?

Во мне все так и перевернулось. Вот, дуреха! Думает, так она ближе к Женьке Макарову будет. Я, конечно, тоже хотела бы рискнуть – глядишь, на тренировке он бы и обратил на меня внимание: коротенькую юбочку можно было сшить и гетры разноцветные связать. Да, еще повязочку стильную на лоб непременно нацепить!

Но нет! Я представила себя дикой неумехой, потной, стеснительной от неудачных подач. У меня с ними и в волейболе-то не очень. Так там вон какой мяч большой! Потом я представила постоянную бестолковую беготню за теннисными мячиками. Нет. Я пойду другим путем: поражать нужно тем, что ты умеешь делать квалифицированно!

Наташа пихнула меня в бок:

– Ну, что ты замолчала? Пойдешь?

– Нет, – заманчиво ответила я, – лучше в танцевальный ансамбль пойду. Меня давно приглашают. В детстве я балетом серьезно занималась. А с пятнадцати лет – танцами. Говорят, что у меня неплохо получалось! Ну, там всякие пасадобли, фокстроты и вальсы мне всегда удавались.

– Ну, как знаешь, – облеченно (или мне так показалось) ответила подруга.

Мысли вновь вернулись к зачету. Ну, никак его не сдать! И, даже вовсе не потому, что это был объемный и тяжелый материал! Просто невзлюбила нас наша преподаватель Антонина Евгеньевна. Еще отчество такое прекрасное носит, – подумалось мне, – а такая гадина, просто совершенно без чувства юмора.

Интересно, мои дети тоже могли бы носить такое отчество? – мелькнула дурацкая мысль...

Наша очень энергичная, где не нужно, группа постоянно что-нибудь вытворяла: то прогуливала полным составом занятия, то изводила аспирантов. Я думаю, что причина

была в нашем Мишке. Именно с него всегда все начиналось!

Как тогда, в самом начале семестра, на занятии по физколлоидной химии. Он начал на лабораторном практикуме поливать всех кислотой. Вернее, делать вид, что поливает, не совсем же он debil! Но гам, визг и шум начался такой, что прибежали соседние группы.

Мы с Наташкой вырвали из его рук злосчастную пробирку, и все почему-то начали за нами бегать. Ну, и в результате завалились на пол, прямо между химическими столами. Почти все. Человек семь-восемь. Мы с подругой, оказались, естественно, в самом низу. Антонина Евгеньевна увидела эту шевелящуюся и галдящую кучу, растолкав смеющихся студентов соседних групп, столпившихся в дверях нашей лаборатории, и застыла столбом.

Пока все по очереди с нас слезали, глаза у нее становились безумнее и злее. Я поднялась с пола последняя, сделала за чем-то книксен и потихонечку пошла к своей парте. Очень потихонечку. Но это, как оказалось, никого не спасло. В деканат она нас, правда, не отправила, но лотовала на занятиях по-страшному. Особенно доставалось нам с Наташей.

Антонина, видимо, посчитала нас зачинщиками, учитывая слоистость нашей живой кучи, а точнее, очередность этой самой слоистости.

Поэтому ближайшего дифференциального зачета мы с Наташей, естественно, очень боялись.

– Нат, давай шпоры напишем: ты на одну половину материала, я – на другую. За ночь успеем, – предложила я. – Сначала я по ним отвечу, потом ты.

– Давай, – без особенного энтузиазма, ответила подружка. – Только пиши разборчиво. Знаю я тебя! Как будто сама писать училась, и в первый класс не ходила.

– Ага, я сразу во второй пошла, – не удержалась я.

Мы поделили вопросы и отправились по домам.

15 ноября 1983 г.

Все произошло ужасно! Я не о дифзачете, будь он неладен. Я о Женьке.

Столько месяцев мне представлялась наша, запланированная на небесах, встреча с Евгением Макаровым, а вышло все, как в плохой пьесе. Даже не в самой пьесе, а в ее антракте.

Я мечтала, что он будет разнимать дерущихся из-за меня мальчиков, или пригласит на танец самую первую среди толпы наших студентов в огромном институтском зале, как Наташу Ростову, или, на худой конец, бросится поднимать случайно рассыпанные мной тетрадки из открывшегося дипломата, и наши руки встретятся, и глаза тоже, и сердца встрепенутся и взлетят в небо, как птицы!

Ничего подобного! Эта заморочка с «дифзачетом по физколде» отбила мне все остатки мозга!

Сегодня я одна из первых умудрилась ответить Антони-

не по Наташкиной шпоре, и Натка, естественно, ждала от меня моей половины шпаргалок. Я же, прошлой ночью, уже ближе к трем часам, размечтавшись об объекте своего обожания, написала не все. Заснула.

Поэтому срочно нужно было изобразить для нее пару недостающих «шпор». Вдруг, по закону подлости, они и упадутся. Нет! Так подставить подругу я не могла!

Я спустилась в холл на первый этаж, чтобы не маячить перед нашим кабинетом, заверив Наталью, что через десять-пятнадцать минут принесу недостающие листочки.

Сесть там было некуда. У нас, вообще, в холле не было никаких приспособлений для сидения. Ну, чтоб студенты всегда были в тонусе, и в холле не задерживались. Но все, не договариваясь, облюбовали банкетки вдоль окон. Сидя на них, переобувались, целовались, писали разнообразные конспекты и списывали «домашку», короче, делали все то, что кому в данный момент требовалось.

Чаще всего там просто сидели и глазели. Парни – на девчат, и наоборот.

В данный момент меня волновали только мои «шпоры». Поэтому, глянув своими, подслеповатыми глазами в сторону банкетов, я увидела, что при желании, в одном месте можно втиснуться. И понеслась, сбивая всех на ходу, к этому, якобы, свободному месту.

То, что там сидели только парни, и среди них Женя, я увидела, вернее, поняла, когда уже насильно попросила их

раздвинуться, чтобы я могла сесть. Выглядело это следующим образом : «Ой, мальчики, мне очень нужно!»

Они подвинулись, удивленно глядя на меня, как на Моську, решившую потревожить самого Слона. А я, не обращая на них внимания, начала строчить на четвертинке тетрадного листа возжеленные формулы.

– А нога под ней хорошая, – вдруг услышала я приятный уверенный голос.

Оторвавшись от своих многострадальных опусов, я прямо рядом с собой справа, увидела своего героя. Не знаю, покраснела я или побледнела, но парни загоготали на весь вестибюль: то ли с меня, то ли с Жениных слов.

Руки мои, естественно, затряслись, и формула закона Био-Савара-Лапласа, предназначенная для Натальи, получилась корявой и с двумя ошибками. Так, что пришлось половину перечеркивать!

– Зовут тебя как? – уже тише спросил Евгений.

– Никак, – почему-то рыкнула я. Парни снова рассмеялись.

– Я – Евгений Макаров. Ма-ка-ров. Слыхала?

– Нет! – продолжала я. – Не знаю я никакого Макарова?

Я – Агеева Мария. А-ге-е-ва! Слыхал?

Он неожиданно простодушно ответил:

– Нет!

Но, увидев торжество в моих глазах, снова повысил голос:

– Мария, значит... Маха-Маха-Росомаха... Будешь у нас

Росомахой, – и все снова рассмеялись.

Я вскочила, как ошпаренная. Вот еще, придумал!

– Сам ты Росомаха, – выпалила в ответ и решительно направилась к лестнице. Каково же было мое удивление, когда сквозь общий хохот, мне вдогонку, донеслись его слова:

– Я буду ждать тебя, Мария, после этой пары. Здесь.

У меня нарушились все биохимические процессы: я с кем-то разговаривала, что-то делала, но не понимала решительно ничего. Он, Макаров, будет меня ждать после занятий!

Прием дифференциального зачета по физической и коллоидной химии закончился, и Антонина (опять же – Евгеньевна), начала «разбор полетов» минут так на сорок, коснувшись моего неправильно освященного простейшего вопроса о дисперсности и заканчивая несчастным Наткиным законом Био-Савара-Лапласа, в котором она умудрилась, благодаря мне, сделать две ошибки. Мне было крайне стыдно за подругу, но думала я о другом.

– Не дождется, уйдет, – ерзала я на стуле, за что получила замечания от преподавателя и скорченную смешную рожицу – от Михаила. Сердце в груди колотилось, щеки пылали. Я с нетерпением ожидала окончания занятия.

Когда мы начали спускаться по лестнице вниз, я вдруг остановилась, как вкопанная.

– Наташ, ты иди. Совсем забыла – мне к старшей лаборантке.

рантке нужно. Не жди меня! – и, резко развернувшись, отправилась вверх, расталкивая галдящих студентов.

Наталью несло в потоке, но она, как верная подруга, задрал голову, пыталась мне прокричать: «Я подождуууу...». В ответ ей, перекрывая все звуки, я вопила: «Нееет, не нужно!»

Забралась на шестом этаже в туалете на подоконник, пытаюсь разглядеть большие окна нашего холла, а в них – Макарова. Сначала там все мелькало, как на маскараде, потом людей становилось все меньше, и я отчетливо увидела высокий силуэт. Лица, конечно, мне было не разглядеть. Но это точно был он! Ну, вот сто процентов! Потому что силуэт этот ходил постоянно вдоль окон взад-вперед. Еще бы! Прошло уже больше часа после окончания пары. Я почему-то вдруг заревела!

Наверное, с этого момента у меня и появилась привычка сидеть на подоконниках всегда и везде, уткнувшись мокрым или счастливым носом в стекло, обняв согнутые в коленях ноги или покачивая свесившейся ногой.

Посидела, поревела, увидела, что он вышел из института в темнеющую тишину аллеи, и покинула свое импровизированное убежище.

А полчаса назад позвонила Наталья и язвительно так сообщила:

– Зря ты осталась. Там на первом этаже, знаешь, кто был? Макаров! Собственной персоной! Ждал кого-то. Злю-

ций, как крокодил!

Я промолчала.

29 ноября 1983 г.

Вижу его, встречаемся в перерывах: то на лестнице, то в деканате, то в читалке. Смотрит на меня в упор, но не здоровается и не подходит.

Я упустила свой шанс! Возможно, единственный в моей жизни. Шанс быть счастливой. Может быть, и дети у меня были бы Евгеньевны или Евгеньевичи.

Нет, я дура. Определенно.

Буду спать!

25 декабря 1983 года г.

Сегодня была репетиция нашего бального кружка. Точнее, генеральная репетиция к Новогоднему балу. Девочки были в одинаковых пышных платьях бледно-голубого цвета, парни – в ладненьких симпатичных костюмах-двоечках. Красиво танцевали! Мне даже самой понравилось!

И вдруг, когда мы уже стояли кружком вокруг нашей наставницы Юлианы и внимали ее последним советам, я увидела, что прямо на первом ряду сидит Женя. И смотрит на меня.

«Сегодня пойду с ним, куда бы он меня не позвал!» – решила я, стягивая с себя наряд великосветской барышни. Смываю «стрелки» на глазах, они были нужны для внешнего образа на выступлении, слегка накрасила губы и помазала

запястья твердым шариком духов.

Вышла, покрутила головой, сначала – едва заметно, потом – все более интенсивно. Не было его. Ни в холле, ни в раздевалке, ни на морозном институтском дворе.

А сейчас опять позвонила Наташа:

– Все точно. Галигузова сделала аборт от Макарова. У него, оказывается, такая тактика – соблазнить девчонку, а потом бросить! Хотя вчера он приходил к нам на тренировку. Пялился на всех. И на меня тоже – я чувствовала. Жертву, наверное, новую подыскивал. Но хорошенький такой!

– Эх, права, наверное, Натка, – подумала я. – Повезло, что его сегодня не было, а то я бы вляпалась!

Пожелала ей спокойной ночи, все же поцеловала Женькин портрет, уже наклеенный на картон и хранившийся между кроватью и тумбочкой, и горько вздохнула.

30 декабря 1983 г.

Новогодний вечер был очень классный: и торжественная часть с вручением заслуженных грамот преподавателям и отличившимся студентам, и концерт, где, среди прочих выступающих, принимал участие кружок нашего бального танца, ну, и дискотека тоже.

С тех пор, как Макс Перепелкин стал, так называемым, ди-джееем, у нас не переводилась хорошая музыка. Причем, он оказался большим профессионалом. Три-четыре быст-

рые мелодии пускал в эфир, а потом обязательно, «медляк» ставил. Так что всего было вдоволь.

Медленные танцы я танцевала много раз. Три раза – с прилипчивым Толиком, один раз – с тем парнем, Андрюхой, с которым мы гуляли под дождем, но дальше как-то ничего у нас не сложилось: то занятия не совпадали, то семейные праздники... Два раза с какими-то незнакомыми ребятами, мне кажется, не из нашего ВУЗа, и один раз (под завистливые взгляды) с ди-джейем Максом – прямо на его квадратном подиуме, где стояла аппаратура. Он туда приглашал, конечно, не только меня, но все равно приятно.

Наташка моя тоже пользовалась популярностью. Так что посплетничать мы смогли только, когда пошли в туалет. Обычно она сама заводила разговор о Макарове, а в этот раз трещала, как сорока, но все на другие темы. Поэтому, перебив ее размышления о французских духах «Маже нуар», которые где-то раздобыла наша староста, я, как бы невзначай, спросила:

– А Макарова ты видела?

– Видела, еще в актовом зале на последних рядах, – ответила она, тщательно разглядывая себя в мутное зеркало.

– А почему же он на награждение на сцену не вышел? – удивилась я.

– Да, пьяный, говорят, был. Вот и не стал светиться.

Я вздохнула:

– Конечно, что ему эта грамота? У него Всесоюзные на-

грады есть. Только, мне показалось, что, когда я с Максом танцевала, он возле дальней стены стоял.

Подруга внимательно посмотрела на меня и ничего не ответила.

Следующие пять быстрых танцев «на бис» пролетели быстро, и забрали все оставшиеся силы. Объявили окончание праздника. В последнем рывке народ бросился штурмовать длинные ряды раздевалок нашей городской Филармонии, где проходил Новогодний вечер.

А мы с подругой решили отдохнуть, всех пересидеть, чтобы потом спокойно, без свидетелей, покурить. Так и сделали. Толик Сергеев догадавшись, что провожать себя я опять не разрешу, принес нам одежду и вежливо попрощался.

Смешали свежий морозный воздух с вредным табачным. Помолчали. Полюбовались огромной, почти отвесной снежной горкой рядом с Филармонией. Летом она угрожающей не выглядит: так себе зеленая горочка, с одуванчиками. А сейчас – это не горка! Это гора! Фудзияма, не иначе. Посреди искрящейся от света фонарей снежной громадины сверху вниз тянулась тоненькая извилистая тропинка темного льда. Ребятишки днем, наверное, раскатали.

– А давай скатимся! Все разошлись, вроде, – предложила моя сумасбродная подруга.

Она всегда знала, что я ее поддержу. И мы, смеясь, стали взбираться на крутую гору вверх.

– Уф! На попе? – спросила Натка.

– На попе, картонка-то всего одна, – согласилась я, и пока, она замешкалась, пряча за пазуху сумочку, первой присела на лед.

Горка была очень большая. Раскатанная тропинка очень длинная. Такая, что только где-то в середине этого «попслея» я успела увидеть веселую компанию ребят, вышедших из Филармонии, и сообразила, что скачусь к их ногам в аккурат, когда они будут проходить мимо.

Но затормозить было невозможно. Ускорение увеличивало скорость. Позади меня, привлекая внимание, визжала подруга.

Вот так, с вытянутыми вперед ногами, со сбившейся набок шапочкой, я и скатилась к подножию ожидающей нас толпы. Захотела быстренько встать. Но, во-первых, быстренько со льда на каблуках не встанешь, а во-вторых, только я нашла точку опоры, как в меня с размаху врезалась Наташка.

Ее смутить было, конечно, сложно.

– Приветик, мальчики. А мы тут плюшками балуемся! – засмеялась она.

Парни достаточно любезно подали нам руки, подобрали пакеты. И можно было бы предположить, что мы вместе прогуляемся до остановки. Если бы один остряк громко так не произнес:

– Смотри, Макар, Это же твоя Росомаха!

И все, кроме меня и Наташки, засмеялись. В центре этой толпы стоял Евгений – в красивой дубленке и огромной пушистой шапке из какого-то неизвестного мне зверя. Он молча смотрел на меня и улыбался.

Я схватила Наташку за руку и изо всей силы потянула в противоположную остановке сторону, на темную заснеженную аллею.

– Нравится мне эта девочка, – успели услышать мы, убегая по скрипучему предновогоднему морозному снегу. Поэтому, на этот раз никто не засмеялся. По крайней мере, я уже не слышала.

– Это кто у нас Росомаха? И какая-токая девочка кому нравится? – зашипела Наташка, когда мы отделились от веселой компании. – Давай, колись. Тихорушница!

Мы уселись прямо на сугроб, и мне пришлось все рассказать: про дифзачет и банкетку, про Макарова и Агееву, про туалет и генеральную репетицию.

– Ох, Машка. Пасет он тебя, видимо. Приручает. Поосторожнее бы тебе с ним! Да что поосторожнее – вижу, что ты уже по уши в него влюбилась, раз скрываешь от меня все. И на шутки не отвечаешь, как обычно. Тебе палец в рот не клади, а тут почему-то бегством решила спастись.

– Влюбилась, – согласилась я. Да ты и сама ведь тоже!

– Мне Макар нравится. Ну, как высококлассный самец – я просто с удовольствием за ним наблюдаю. – ответила она.

– Врет, – подумала я ночью, засыпая.

1 февраля 1984 г.

Прошел Новый год. Зачеты и сессии. Длинные «тянущие» каникулы. Наташика уехала в Ленинград к родственникам, и я совсем загрустила. Скорее бы в институт.

10 февраля 1984 г.

В стране – траур. Умер партийный деятель. На последней лекции Сан Саным зашел в аудиторию, прикрикнул на гикающую парней и довольно строго произнес:

– Все расходимся по домам и общежитиям. По барам и ресторанам не шляться, по дискотекам – тоже. Кого застукают, отстаивать не буду. Вылетите все. В Армию! И в декрет! – зачем-то добавил он. – И нечего смеяться! Не дай Вам Бог – устроить в каком-нибудь из общежитий гулянку с распитием спиртных напитков. Предупреждаю, будет ходить ДНД.

Вовремя предупредил, называется! А у нас сегодня день рождения Светки – хотели милый девичник устроить. И живет она во втором общежитии. В наших пакетах и дипломатах уже затаилась нехитрая провизия и спиртное. Ну, что же, теперь переносить это чудесное запланированное мероприятие?

Выйдя из лекционного зала, мы посмотрели на опрокинутую физиономию именинницы и решили праздник ей не портить! А пробираться в «общагу» парами, соблюдая строгие

ую очередность. Те, кто городские, при этом должны называть номера разных комнат.

Проходить мимо нашей вечно сердитой и очень бдительной вахтерши мне было весело, поэтому в лифте мы с Наташкой шепотом, если можно так сказать, смеялись. Но лишь до того момента, пока в лифт не зашел Макаров. И ехал он с нами с четвертого до седьмого этажа. Поздоровался, кстати. Впервые. Заулыбался. И даже поклонился, когда выходил. А мы поехали на восьмой этаж к Светке.

– И что он тут делает? – не удержалась я. – Он же городской.

– Тоже самое, – прыснула Наташка. – Скорбит! Вместе со всей страной!

В комнате наши подруги уже передвинули стол, нарезали колбасу, хлеб, и в данный момент открывали консервы. И все поголовно молчали.

Так же, в тишине, мы выпили по паре бокалов вина, чокаясь при этом кулачками. А потом все же начали шептать. Умора, да и только! Вместо музыки – сплошное шипение, как в террариуме. Шикали и тихо хихикали. Если уровень шума поднимался чуть выше, наша староста нас одергивала, многозначительно поднимала руку, прислушиваясь к шагам в коридоре.

– Давайте выключим свет, – предложила я.

Выключили. Выпили. Скучно. По очереди покурили в открытое окно.

– Девчат, – прислушалась Наташка. – А под нами тоже пьют. Голоса мужские слышны. Тоже хохочут. – Кто там живет, Свет?

– Да я не знаю, – ответила именинница и вытащила из тумбочки небольшой сувенир – раскинувшую крылья фигурку орла, светящуюся в темноте светло-зеленым цветом.

Решили спустить ее вниз – познакомиться с народом. Привязали длинную нитку и стали раскачивать фигурку на-против седьмого этажа. Наблюдателем была Анька.

– Упс, – произнесла она, – рука чья-то вытянулась и порвала нитку. Наш Орелик теперь у них.

Развеселившиеся подруги не останавливались: при свете свечи нацарапали записку «Срочно верните Орелика. Комната 836». Пришедшая в ответ записка убила всех наповал.

Прежде всего, меня. Потому что была она следующего содержания: «Меняем Орелика на Машу Агееву». Я замотала головой, как овца перед закланием. Девчонки ответили: «У нас такой нет», и получили ответ: «Сейчас проверим».

Когда раздался тихий стук в дверь, я нырнула под кровать.

Сорок минут я провела там, рядом с пыльным Светкиным чемоданом, сдерживая чиханье, пока мои подруги ублажали пришедшего со своим другом Макарова. Он обошел обе комнаты, заглянул в санузел, и зажигалкой подсветил радостные девичьи лица.

У Натки спросил конкретно:

– А куда твоя подружка делась? Вы же вместе были! – видимо, захотел, наконец, перейти к решительным действиям.

– Ушла, – заявила Наташка, – у нее, эта, ну, черепаха заболела!

– Почему ты придумала про черепаху? – Злилась я позже, – не могла сказать овчарка там какая-нибудь заболела, или кошка, на худой конец.

И получила ответ (что еще может ответить выпившая девушка):

– Ну, у тебя же на них аллергия!

Смех да и только.

Подругам, после ухода парней, мы объяснять ничего не стали, хотя их прямо-таки распирало от вопросов, чего это я под кроватью час просидела? И почему Макаров ищет Агеву?

Мы с Натальей быстро уехали.

А теперь вот я лежу дома в кровати, и сна – ни в одном глазу.

28 апреля 1984 г.

Не видела Евгения больше двух месяцев. Ничего не хотелось. Даже мама радовалась, что я по субботам дома сижу.

Наташка узнала, что Макаров на сборах в Москве. Или в Юрмале. Она хотела поддержать «тоску мою – тоскующую»,

но у нее самой случился ошеломительный роман с нашим преподавателем.

А я грустила и ждала.

Неделю назад, в понедельник, сразу после пасхи, мы дежурили в раздевалке. В какой-то момент я отправилась в буфет выпить сока и неожиданно столкнулась с Евгением.

– Привет, Мария, – произнес Женя, – Христос воскрес!

– Да, – пролепетала я.

– Неправильно отвечаешь, – улыбнулся он. Нежно притянул меня к себе, и при всех расцеловал в обе щеки. Три раза.

Народ так и обомлел. А он вытащил из большой спортивной сумки бутылку французского шампанского с неизвестными этикетками и вручил ее мне.

– Увидимся, – кивнул он моей остолбеневшей фигуре.

И опять пропал надолго.

1 сентября 1984 г.

Прошло лето...

Неделю назад мы приехали из Батуми: я, Наталья и ее обожаемый Лешик. Для меня он был и остался Алексеем Николаевичем – преподавателем кафедры физики нашего института, а для моей подруги он стал любимым и единственным. И скоро станет ее официальным мужем и отцом их ребенка. Они сразу, как только приехали, подали заявление в ЗАГС.

В принципе, занудой он не был, хотя и был старше нас

лет на шесть, кажется. С юмором относился к нашему совместному отдыху в одной светлой и, слава Богу, просторной комнате, разделенной яркой, пятнистой шторкой. Холлил нас и лелеял, стараясь не выделять Наталью: покупал мороженое и сладости, таскал тяжелые вещи и просто развлекал, как мог.

На мой взгляд, они друг другу совсем не подходили. Но этого нельзя было сказать ночью.

Я старалась по-долгу гулять в Батумской ривьере, но становилось темно, и мне приходилось возвращаться в наше жилье, снятое на восемнадцать дней за бешеные деньги в виду локального расположения, то есть у самого моря.

Слушая их тактичные (и не очень) охи и ахи, я думала о Евгении.

Последний раз, теперь уже, совсем последний раз, мы виделись в мае.

Деканат тогда предложил студентам, желающим помочь институту со сдачей нового корпуса. За это прощались все отработки. Учитывая наши с Наташкой спонтанные ходки с занятий в мир, более прекрасный и заманчивый, отработок у нас всегда было много. Поэтому мы и оказались в бригаде лодырей-тунеядцев, день за днем постигая премудрости штукатурно-малярного мастерства.

Однажды утром, когда я вышла на улицу подышать свежим воздухом, я увидела Женю.

Он подошел ко мне близко-близко, нежно поправил мне

выбившуюся из-под каски прядку, и запросто сказал:

– Машка, давай сегодня погуляем. Потому что...

Но тут его окрикнули ребята, и фразу он не закончил.

Спросил только:

– Ты до 17 часов здесь работаешь?

– Да, – улыбаясь от счастья, ответила я.

– Тогда в 17.15?

– Тогда в 17.15.

В это время нас сфотографировал институтский папарацци. Мы молодые, сияющие, стояли на фоне строящегося здания института. Не знаю, попало ли это фото в институтскую газету? Не видела.

А я тогда весь день летала на крыльях. Танцевала с ведром, рисовала кисточкой на стене узоры, напоминающие множество сердец, и без усталости всех смешила.

– Влюбилась, что ли? – переговаривались пятикурсницы, поглядывая на меня с усмешкой.

– Влюбилась, девочки! – соглашалась я, в который раз переходя с репертуара Аллы Пугачевой на Заздравную песню из Травиаты и арию мистера Икс. А так как Наташки в тот день не было, остановить меня, а позже – вправить мне мозги – было некому.

А вправлять было что! Потому что совсем неожиданно в 13.30 пришел бригадир и объявил, что на сегодня работа закончена. А завтра он ждет нас, как обычно, к 8 часам

утра.

Громогласное «Урррра!» пронеслось над стройкой. Все бросились переодеваться, а я заплакала, уткнувшись в свежесведеленную стену.

– Ну, почему? – взывала я к небу, – почему именно сегодня до 13.30?

Успокоившись, я переделась и почему-то поехала домой. Ослица!

Хотя, вот сейчас, спустя три месяца, я понимаю, что ничего не случилось. Я могла съездить домой и приехать к 17.15 обратно. Или вообще не уезжать, а просидеть в соседнем сквере до нужного времени, или в кино сходить – кинотеатр тоже совсем рядом. Почему я уехала, я не могла себе тогда объяснить.

Ночью, вытирая слезы, сделала совсем уж дурацкие выводы: «Если девушка нужна и дорога, то и адрес можно узнать в деканате, и к дому ее подъехать объясниться и прочее, и прочее»! С тем и уснула.

Но все лето ждала и переживала! Напридумывала всего несусветного. И ждала!

«Понастроила сама – из надежд кружева...», – доносились из приемника слова почитаемой мной Аллы Борисовны.

И только сегодня на очередной сентябрьской линейке я узнала – Евгений Макаров оформил академический отпуск. Его пригласили в Москву в национальную теннисную сборную СССР. Мир ушел у меня из под ног!

Наверное, приглашая меня на свидание, он хотел сказать: «... потому что я уезжаю». Наверное, так оно и было!

Приходил ли он на свидание? Ждал ли? Жалел, что мы не встретились?

Мне теперь не узнать никогда!

22 ноября 1984 г.

Мы шумно и весело отпраздновали Наткину свадьбу с ее возрастным Лешиком. Хотя смотрелись они все же великолепно. Наташкин округлившийся животик скрывали кружева модного кружевного платья. Кроме того, она была в очаровательной шляпке.

Большинство невест у нас бракосочетались, надевая традиционный головной убор, – фату. Поэтому ее новый нарядный образ пришелся всем по душе. А милая загадочная улыбка, видимо, от предчувствия близкого материнства, сделали из моей подруги-стервочки, вечной насмешницы над нашими знакомыми парнями, светскую даму.

Хотелось ли мне быть на Наткином месте? Да, конечно. Но только с одним-единственным человеком. Хотя он уже, наверное, и думать обо мне забыл. Никого рядом с собой не представляю на такой церемонии. Только его, Евгения!

А моя упрямая подруга, глубокой ночью, уезжая с собственной свадьбы на украшенном живыми цветами, автомобиле «Волга», бесцеремонно вручила мне букет невесты. Вот так вот! Не было никаких традиционных бросков, было

просто торжественное вручение. Это моя Наташа! Люблю ее!

10 мая 1987 г. (прошло 2,5 года)

Празднование 9 мая в этом году получилось замечательным. Я давно (со своим постоянным меланхоличным настроением) так не веселилась. Понравилось все: и парад, и шашлыки, ожидаемые всю длинную холодную зиму, и красивый вечерний салют.

Паришное настроение началось сразу после Нового года. Мое, так долго не гаснувшее «ожидание счастья», как-то неожиданно «погасло» и сменилось на «реальную безнадежность». Даже и не знаю точно, когда это произошло!

Я так долго ждала, что Евгений Макаров вернется и снова появится в моей жизни, что, наверное, просто устала ждать!

Как, впрочем, устал ждать и мой давний поклонник – Анатолий Сергеев. Я все чаще и чаще видела его пока еще милые ухаживания за моими однокурсницами. Но, спустя пару-тройку недель, он неизменно возвращался ко мне: снова начинал вздыхать у меня «над ухом», бросать в мою сторону многозначительные взгляды и провозжать домой с наших импровизированных «посиделок».

Последнее проявление его безграничной любви ко мне состоялось возле моего подъезда, куда он вызвал меня для

разговора. Дело было 23 февраля, в мужской праздник. Толик стоял в легкой куртке, без шапки, с букетом замерзших гвоздик за пазухой. Если честно, я не даже не сразу поняла, о чем он начал говорить? Оказалось, что делал предложение! Меня рассмешила сама дата – 23 февраля.

– Ты что, ненормальный? – почему-то спросила я, поднося гвоздики к лицу. – Сегодня же не 8 марта!

Он быстро ушел. А я долго стояла с этими хрупкими от мороза цветами размышляя над его последними словами:

– Знаешь, Мария, – сказал он, – обязательно наступит день, когда ты меня поймешь. Когда ты будешь чувствовать то же, что я чувствую сейчас!

Наступит? Да, он практически не прекращается, этот день – третий год я жду любимого человека!

Или мы все-таки имеем в виду нечто разное? И бывает еще хуже? Тогда, насколько сильнее может быть душевная боль?

Я часто в мыслях признавалась Евгению в любви. Но, возможно, это совсем не любовь, а что-то совсем другое?

И как это: любить больше жизни? Чем такая любовь отличается от моих душевных переживаний? Или, может быть, я еще не знаю, что значит – любить? Просто не знаю. Не пришел мой срок.

Недавно я стала замечать у Натальи совсем другие волнения, совсем другие чувства, которых до последнего времени у нее не было.

Если раньше, на первом-втором курсе, она вдруг неожиданно тормозила меня (во время своей очередной влюбленности) и чувственно выдыхала: «Понимаешь, Манька, я так его хочу!», то теперь, моя любимая подруга, глядя рубашки своего мужа, иногда ненадолго замолкала, а потом тихо произносила: «Маш, чего-то Алексея давно нет! Не случилось ли чего?»

Так что есть любовь? И где этот дурацкий Евгений Макаров?

11 мая 1987 г.

Вчера не закончила писать. Разнюнилась (смешное слово). Я часто теперь перехожу на уменьшительно-ласкательные и всякие придуманные детские словечки. Это из-за постоянного общения с Наташкиной Аленкой.

Короче, на парад мы ходили с Наткой, ее драгоценным Лешиком и нашей общей дочкой (нашей, потому, что я ее крестная). Аленка сидела в новой импортной коляске, изредка помахивала флажком и постоянно всем улыбалась. Она, вообще, очень улыбчивая девочка.

Академический отпуск Наталья брать не стала. Я настояла. И всеми силами помогала ей с ребенком, так что мы, слава Богу, с подругой не расставались, а сейчас вышли на последний рубеж – впереди, призывно, изо всех сил помахивая нам дипломами, приближались выпускные экзамены.

После торжественного возложения цветов к общегород-

скому военному захоронению мы отвезли Алену к родителям Лешика, и пустились «во все тяжкие» – нужно было расслабиться перед зачетной неделей.

Народу на Анькиной даче собралось человек двадцать. Мы жарили шашлыки, пили, пели, танцевали. Ребята смастерили «летучего змея», назвали его в честь декана Сан Санычем, и торжественно, под всеобщее ликование, запустили в небо. Потом еще, с притворно-грустными физиономиями пели о нем песню-посвящение «Больше не встречу – такого друга не встречу...». И, как безумные, хохотали!

Мы с девочками насплетничались, примеряли по очереди бриллианты, которые достались нашей Светке по наследству от бабушки, а так же – парик, принадлежащий Аниной маме.

И все единогласно решили, что и парик, и «брюлики» идут больше всего мне.

– И, вообще, – разошлась моя любимая подруга, – я никак не пойму, что ты среди нас до сих пор делаешь? В Москве вон – конкурсы красоты всюю проходят!

Сказала, и пожалела. Потому что при слове «Москва» взор мой весьма затуманился.

Чтобы не объясняться с ней, я сбежала к ребятам, и уже через пятнадцать минут целовалась с каким-то Сашкой, хоть и видела его в первый раз в нашей компании. А еще через полчаса потащила Толика прогуляться. Мы с ним после 23 февраля, когда он делал мне предложение, почти не раз-

говаривали.

Хорошо погуляли, кстати. По-доброму. Он признался, что совсем на меня не сердится и продолжает ждать. С ним я тоже поцеловалась (с ума сойти).

А потом почему-то вдруг ответила ему: «А что, очень может быть...», и только ночью, приехав домой после праздничного салюта, поняла одну ужасную вещь – действительно, «все очень может быть», но я категорически не хочу детей, носящих его фамилию и его отчество!

У меня в глазах неожиданно возникла маленькая, смеющаяся, ласковая девочка, похожая на меня. Или мальчик. С длинной челкой и сильными кулачками. Но фамилия у них была совсем другая!

Так, может быть, основной женский критерий для вступления в брак – это фамилия будущих детей?

2 июня 1987 г.

Утром, перед консультацией, чтобы новость для меня не была полной неожиданностью, позвонила Наташа. Спросила что-то по конспектам лекций и расписанию экзаменов, а потом выпалила:

– Макаров вернулся.

Мое сердце взметнулось ввысь. Но, не успев задать ни одного вопроса, я услышала ее следующую фразу:

– Говорят, у него в августе свадьба.

Я не помню, что было дальше! Дышала я или нет? Села

ли? Легла ли? Может, упала?

...Раздавались звонки телефона. Кто-то постучал в дверь. Потом все стихло.

Я помню, что тщательно собиралась в институт: перелистывала и раскладывала какие-то тетрадки, сортировала учебники. Затем вынула их из дипломата и сложила зачем-то в ярко-красную сумку с золотыми сердечками, совсем неуместную для института. Долго выбирала платье. В результате, надев джинсы и белую блузку, поехала на консультацию, вернее, на ее второй час.

Шел перерыв. На часах, что над лекционным залом, светились цифры 11:47. Я смотрела на их зеленые отблески и упорно шла вперед. Главное – дойти и сесть, не обращая ни на кого внимания.

– Мария, – раздался давно забытый голос. – А ты еще красивее стала!

Как в тумане, я медленно прошла мимо группы парней.

После консультации Наталья увела меня к себе. Нарочно, конечно. Чтобы немного отвлечь. Я общалась с ее Алексеем, играла с Аленкой, лепила пельмени, но мысли мои были очень далеко.

В пол-одиннадцатого вечера позвонила мама и предложила меня встретить. Я, нисколько не смущаясь, наврала ей, что Алексей меня проводит. Он и вправду порывался меня проводить, но Натка сделала ему предупредительный знак.

*Вышла на улицу. Первое июньское тепло... Звездное ма-
нящее небо... Но ничто, даже вкусный, давно желанный,
летний, запах, не вызывал никаких эмоций. Я, наконец,
оставишись одна, шла по улице и с упоением редела.*

*Ну, почему со мной всегда так? Что за Царевна-лягуш-
ка из меня получилась? Девчонки, не стесняясь, бегают за
парнями, и буквально женят их на себе всеми известными и
неизвестными способами: приезжают к ним в другие города,
ложатся с ними в постель, сами делают предложения руки
и сердца. Шантажируют, наконец. И добиваются своего! Я
же все ждду...*

*Мимо прошла веселая компания. Они подозрительно по-
смотрели в мою сторону, но, слава Богу, промолчали.*

*На остановке пожилая женщина прижимала к груди
небольшую сумочку и маленького спящего щенка. Увидев ме-
ня, грустно покачала головой мне вслед. А я шла и продол-
жала плакать!*

*...Макаров стоял возле моего дома. Это было так при-
вычно, как будто он всегда тут стоял, как будто он всегда
знал мой адрес. Как будто, он был в курсе, что я вот-вот
подойду.*

– Привет, – сказал он.

– Привет, – ответила я, вытирая слезы.

*Мы сели возле моего подъезда на срубленное дерево. Я
продолжала плакать, а он меня целовал, будто ловил губа-
ми мои слезы. Потом стал осторожно обнимать, выбросив*

из левой руки сломанную ментоловую сигарету. Его ладонь так вкусно пахла, когда он касался моего лица.

– Машка, девочка моя, неужели ты меня ждала?

Впервые я не постеснялась ответить:

– Ждала.

Евгений оторвался от меня, обхватил свою голову руками и произнес:

– Я тоже не смог тебя забыть. Но, если бы я знал, что это взаимно... Черт, если бы я знал! Как увидел тебя сегодня, сердце остановилось! Такой ты мне приснилась однажды.

– У тебя скоро свадьба? – безнадежным голосом спросила я.

Он ответил то, что я хотела услышать:

– Одно твое слово, и никакой свадьбы не будет!

– Нет! – решительно ответила я и, не оглядываясь, бросилась в подъезд.

– Нет! – повторила я через десять минут по телефону.

– Нет, так и передай! – сказала на следующий день Женному другу Антону, протянувшему мне цветы.

Мама принесла мне чистую пижаму, стакан теплого молока и, вздохнув, вышла из комнаты. А что тут скажешь? На нет, как говорится, и суда нет!

4 июня 1987 г.

– Толик, ты все еще хочешь, чтобы я была твоей женой?

– *Очень!*

– *Я согласна! Вместо Агеевой – стану Сергеевой!*

Юбилей Евгения (15 июля 2014г.)

Да, странно продолжался день моего пятидесятилетия.

Впервые за десять лет без Машкиного поздравления.

Я возвращался домой из офиса на очередном такси. В голове не переставал звучать ее голос! Отныне я прощался со своим, как мне казалось, вечным ощущением безграничного счастья.

Отвечая на непрекращающиеся поздравительные звонки, я пытался шутить с водителем, обсуждая проходящих женщин. Потом долго поднимался пешком по лестнице на одиннадцатый этаж. И вовсе не потому, что не работал лифт. Нужно было выглядеть хоть немного необычно, как-то взволнованно, что-ли, заходя домой. Иначе Ирина догадается, что со мной что-то не то.

Хотя она, наверняка, уже все поняла! Не просто же люди начинают пить в девять часов утра коньяк, а после сматываются на такси в неизвестном направлении.

Ей, как всегда, кажется, что она все поняла!

Все, да не все! Скорее всего, Ирка просто подумала, что у меня – очередная интрижка.

Знала бы она, что у меня тот, десятилетней давности роман, в самом разгаре!

Виноват я перед ней очень. Всю свою жизнь, вернее, всю

нашу совместную жизнь, а это уже почти тридцать лет, она сражалась с моими феерическими внесемейными связями. Но настоящей и единственной угрозой ее счастью была только одна женщина. Только Мария.

Хотя сейчас у меня есть Виктория. Потому что она очень напоминает мне Машу своей необычностью. Может быть, поэтому я с ней? Она художница. Рисует мои портреты в каком-то, придуманном ею стиле. Потом подолгу сидит на подоконнике, и это тоже напоминает Машку. Вика много курит и почти никогда ни о чем не спрашивает. И, так же, как когда-то моя смешная Росомаха, хочет спасти мир. Мне это тоже нравится.

Обычно, когда я отдыхаю после наших интимных отношений, Виктория рисует, а я подолгу смотрю на нее. Пью кофе или вино. И всегда вспоминаю свою далекую, канувшую в вечность, любимую.

Да, пожалуй, все чаще и чаще. Иногда боюсь, что назову Вику другим именем. С женой у меня подобного страха никогда не возникало, мне никогда не назвать ее Машкой, а с Викой я постоянно настороже. Очень много в них общего. Только моя нынешняя пассия – это прекрасный манящий холлод, с которым, в принципе, легко расстаться, а Мария – любимая теплая, душевно теплая девочка. И расстаться с ней, даже в мыслях, до сих пор невозможно!

Хотя Виктория – очень чувствительная натура. И, возможно, она даже догадывается, что напоминает мне кого-то.

Но упрямо складывает мои портреты на верхней полке в одну большую стопку, и легко провожает меня к выходу.

Сегодня она тоже позвонила мне:

– Привет, именинник! Ты как?

– Привет! Отлично, – ответил я.

– Мы увидимся во вторник? – громко выдыхая в трубку сигаретный дым, спросила Вика.

– Конечно!

– Мне хотелось бы. – За этими словами последовали гудки.

Такая вот у нас любовь! Вике просто «хотелось бы» со мной увидеться?

Никаких тебе *«Женечка, ты – лучший!»*, *«Ты – мое чудо!»*, *«Ты – Гений!»*, *«Люблю, люблю, люблю тебя»*...

...Была сразу после ухода Марии у меня еще одна девушка. Мне просто необходимо было заполнить образовавшуюся пустоту.

Это случилось тогда, когда Ирина успокоилась, что я ее не бросаю, не ухожу в счастливую страну с названием Сергеева-Агеева Маша, а остаюсь в семье. Спустя некоторое время после двух наших совместных с Ирккой отпусков и, по крайней мере, ежемесячных, культурно-массовых походов в рестораны, кино и на выставки. Она, видимо, от меня слегка устала и ослабила свою железную хватку. А, поскольку, секс у нас (даже в такие периоды жесткой оккупации меня)

все равно случался крайне редко, я с чистой совестью снова ушел налево. А, может, это были поиски Марии?

Ту девушку звали Анастасия.

Она была немного моложе меня, вся такая упругая и заводная. Я подобрал ее после неудачного романа с женатым мужчиной, обогрел, ласково называл Пульхерией, потихоньку приучил к удобному мне графику и почти год, а точнее одиннадцать месяцев, проводил с ней свои некоторые командировочные дни. Она, в принципе, была неглупой и милой.

Чтобы прервать этот романчик, не потребовалась даже жена. Я это, без сожаления, сделал сам. Дело в том, что, потерпев фиаско со своим первым женатым кавалером, в случае со мной, Настя решила, видимо, на этот раз свой проект довести до победного конца.

Уж не знаю, в каком таком бреду я признался ей в любви, но она в это свято верила. Желала родить мне сына и создать со мной ячейку общества.

Как только ее напор стал мне надоедать, я интеллигентно, но внятно и четко заявил ей о нашем разрыве. Разговор был тяжелым, закончился, как полагается, в голливудском стиле – с разбитой посудой и неприятными оскорблениями в мой адрес.

Слушая разбушевавшуюся теперь уже бывшую любовницу, я опять вспомнил Машку и наше расставание. Тогда у нее текли слезы, дрожали руки... «Найди покой в своей семье», – как заклинание, повторяла она. Да, что там – у нее!

Слезы комом стояли в моем собственном горле. И я упорно молчал, чтобы они не вырвались наружу.

Снова я – о Маше... Снова, и снова, и снова...

Все эти годы Ирина наслаждалась своей победой, я периодически отвлекался на стороне, а Марии не стало. Как она умерла? Я так до сих пор и не знаю. Она исчезла. Растворилась. Ее подруга придумала острый лейкоз, кто-то тихо поговаривал про суицид, но подробности никому не известны. Даже дата ее смерти.

Я часто представлял себе темный мраморный памятник со знакомой мне фотографией и датами жизни 29.01.1965 – XX.XX.2004.

...Жарко. Я дотащился до одиннадцатого этажа, весь разгоряченный, как и требовалось, чтобы моим родным было понятно, что именно отсутствие лифта довело пятидесятилетнего именинника до такого состояния, а вовсе не гнетущие его душу мысли!

– Ты вечный бабник, откуда у тебя только силы берутся? – частенько говорит мне мой друг Антон, хотя подробности своих романов я ему никогда не рассказывал. Или рассказывал? В любом случае, он, наверное, завидовал. Ведь всем известно, что «хороший левак укрепляет брак», но не каждый на это решается.

По коридору внук с трудом волочил огромную машину,

которую мы ему недавно купили. В ее кузове победоносно и совершенно спокойно сидела всеобщая любимица – пушистая кошка неизвестной породы. Звали мы ее Аськой, и вечно спорили, кого она больше всех любит? Увидев меня, Аська грациозно соскочила с детского автомобиля и стала тереться о мои ноги. Вот вам и ответ – кто в доме хозяин?

Ира из кухни не вышла. Оттуда раздавался громкий смех ее приятельницы Ольги. Видимо, делает жене маникюр, попутно обсуждая последние новости. Вот кто сплетни в мой дом приносит, – подумал я и заходить к ним не стал. Пусть сплетничают.

Зять вместе дочкой «висели» в моем компьютере, и увидев меня, быстро вытащили из USB порта золотистую флэшку с длинной цепочкой, которая неожиданно зацепилась за мой ежедневник, и Катя, смущенно нервничая, тщетно пыталась ее отсоединить. Наверное, они подарком своим любовались: что-нибудь типа коллажа для меня под грустную музыку ушедших годов.

Я снисходительно улыбнулся, поцеловал Катюшку в висок и завалился на кровать.

Мои ушедшие года закружились вокруг меня в своем беспощадном танце, как новогодние снежинки. От кондиционера веяло январским холодом, а я вдруг смертельно захотел спать, успев невразумительно промычать дочке: «Президент выступать будет, разбудите...»

– Какой президент, папочка? – прошептала дочка, укры-

вая меня. – У тебя всего два часа на сон. Скоро гости на твой юбилей начнут собираться. Автобус заказан на 16.30.

Из письма Марии (5 января 2005 г.)

Милый, бесконечно родной мой человек. С Новым годом тебя! С Новым счастьем!

Если бы ты знал, как я по тебе скучаю: по твоим лукавым глазам и манящим губам, по твоим ласковым рукам и чудесным шуточкам в мой адрес.

Произнеси вслух: «Росомаха! Моя любимая девочка, как сильно я тебя люблю! Как сильно я тебя хочу!»

Вот. Уже можно дышать. Ведь с нами осталось самое главное – постоянное ощущение любви. Мы это проверили: наше чувство – глубоко взаимно! Поэтому – вместе мы или нет – теперь абсолютно неважно.

Можно жить дальше: смеяться, слушать музыку, ловить на улице ртом снежинки, и, наконец, научиться кататься на велосипеде!

Для всего этого нужна всего лишь одна уверенность – то, что тебя любят!

Был очень тяжелый год, правда? В какие-то моменты хотелось все бросить и бежать-бежать-бежать. Во мглу и туман, в грозу и темноту, в космическую невесомость, чтобы исчезли звуки, чтобы по венам перестала бежать кровь, чтобы сердце билось тихо-тихо, на цыпочках...

Но наша любовь нас спасла. Уберегла. Я спокойна. Я уве-

рена в тебе. Я чувствую твою любовь! Спасибо тебе за нее. Спасибо, мой единственный и самый лучший человек во всей Вселенной.

В следующий раз обязательно придумаю что-нибудь про себя. Как живу, чем занимаюсь... Тебе будет интересно узнать, как у меня дела? Ведь так?

Счастливого Нового года. Без меня. Со мной.

Твоя Маха.

Юбилей Евгения (15 июля 2014г.)

И все-таки, хорошо, что мы придумали отмечать мой день рождения в ресторане!

Он даже назывался символически – «День рождения буржуя». В очень аристократических тонах, его помещение и вправду напоминало что-то буржуазное, из прошлого века. А кличка «буржуй» в кулуарных разговорах была мне на этот вечер обеспечена.

Я стоял в центре зала, бросая взгляды на белый рояль и благородное убранство зала, и встречал близких, ну, или почти близких людей, которые, в ожидании доступа к моему телу, подходили поочередно. Подарки складывали на специально отведенный для этого стол с шикарной столешницей, а конверты, моя предусмотрительная супруга, прятала себе в клатч, который становился все толще и толще.

Приехала мама, и я торжественно отвел ее на почетное место, чтобы ей было все хорошо видно. Рядом с нашими ме-

стами. Присел рядом, положил свою голову на ее руки, зная, что она сразу начнет меня гладить. И было совсем не стыдно чувствовать себя нашкодившим ребенком, прячущим лицо в маминых руках. Пусть все смотрят и завидуют. Мама – одно из моих драгоценных сокровищ, которые подарила мне судьба.

– Милый мой. Родной мой. Мое счастье. – шептала она. И становилось тепло, и в носу щекотало, и хотелось даже пустить скупую мужскую слезу. Только Машка могла так же искренне, без тени смущения, говорить со мной. Мама, Маша... И дочка Катюшка. Давно, в глубоком детстве.

– Сын, – мама внимательно посмотрела на меня. – Ты почему-то сегодня грустный? Вроде бы, шутишь и улыбаешься, как обычно, а душа твоя не на месте. Я же чувствую.

– Все нормально, мамочка. Устал. Наверное, пора в отпуск.

Ну, не рассказывать же ей, что меня не поздравила любимая женщина, которая умерла десять лет назад.

Хотя мама с Марией были знакомы лично.

В самый разгар нашего романа, нет романом это не называлось, в самый разгар охватившего нас чувства, спустя двенадцать лет после нашей юношеской несостоявшейся любви, будучи уже глубоко женатым, я их познакомил. Ну, не мог не познакомить!

Мы вместе пробыли у мамы на даче до самого вечера, что-то копали, сажали, потом пекли картошку и долго разгова-

ривали.

Перед нашим отъездом мама отозвала меня в сторону:

– Ты знаешь, Женечка, что я категорически не принимаю такие отношения! Но я понимаю тебя, что пройти мимо такой женщины невозможно. Какое доброе у нее сердце, какая чувствительная у нее душа, и, самое главное, – как она на тебя смотрит! А ты – на нее! Я весь день любовалась вами. Так что, пусть Бог рассудит.

Бог рассудил. По-своему. И мы больше не улыбаемся друг другу. Вот уже десять с половиной лет...

Я остановил официанта, предлагавшего гостям шампанское, которое он деликатно разносил на витиеватом подносе, и выпил сразу два бокала, за себя и за Маню. Улыбнулся себе и сразу поймал удивленные взгляды: на меня смотрели жена и мама.

Впрочем, снова начали заходить гости, и я, радостно раскинув руки, бросился встречать прибывшую большую компанию – это были мои коллеги. Тех, которые были выше рангом или наравне со мной, я приглашал с женами или мужьями, если таковые имелись, а подчиненным объявил о банкете в свою честь накануне во время планерки, не акцентируя внимания на их семейном положении.

Собственно, так мне и вручали подарки: от семейных пар по-отдельности, а от подчиненных – один общий. Последние меня удивили особенно. Двое из парней внесли в зал огромного размера картину в дорогой деревянной раме. Поверну-

ли его к свету, и все присутствующие зааплодировали – это был мастерски нарисованный портрет меня молодого с ракеткой на корте в белой майке с надписью СССР. Помню, была у меня в кабинете такая фотография. И, вправду, хороший ракурс и счастливая улыбка победителя.

– Придется освободить для подарка целую стену, – улыбнулся я.

Организатор торжества пригласил нас всех за удобно расставленные столики. Изысканность и оригинальность оформления закусок, расставленных на них, изумляла и манила. Думаю, что даже самым изощренным привередам захотелось их отведать.

Полчаса до первой стопки, как всегда, оказались суетными – рассаживались согласно заранее напечатанным в типографии карточкам, выбирали блюда и спиртное, делали индивидуальные заказы.

Ну, а дальше все потекло слаженно и весело.

Организатора просто тамадой назвать было сложно. Он остроумно, но деликатно предоставлял слово во славу именинника, то есть, меня, очередному гостю, и, хоть и не приставал с конкурсами, но все равно как-то профессионально вызывал на разговоры и воспоминания по группам и столикам, что можно было условно назвать соревнованиями.

Очень теплые слова сказала мама, и в конце выступления, конечно, же расплакалась.

Поразила Ирка – чуть ли ни в ноги поклонилась мне с бла-

годарностью за счастливую жизнь в течение почти тридцати лет. Вспомнился фильм, где главный герой, недопонимая происходящее, спрашивает у собеседника: «Издевается, что ли?»... Эта же мысль мелькнула и у меня, но я поблагодарил жену, поцеловал, и два моих старых друга успели крикнуть. «Горько».

Вообще, дни рождения, я считаю, отмечать нужно: слушать про себя хорошие слова и повышать самооценку, если она понижена. А, если не понижена, то просто наслаждаться!

Как-то потихоньку, с медленных танцев (хороший, кстати, прием) мои гости начали осваивать танцпол. Я был нарасхват: подряд два вальса, танго, а после – нечто вроде гопака под современные поп-мотивы. Гопак, кстати, мне удался лучше всего.

Наблюдая за присутствующими, все ли довольны, никто ли не сбежал, я заметил, что дочка чуть не плачет. Топчется вместе со своим мужем возле музыкальной техники, и виновато поглядывает в мою сторону. Я подошел к ним.

– Папочка, твой подарок не открывается. Он на флэшке записан, – заскулила дочь.

Я успокоил Катерину и позвал своего технического бога Кирилла из IT-отдела, который уже через пару минут загрузил видео в компьютер. На экране возникло название «Давайте, друзья, потолкуем о папе...».

Фильм был сделан, действительно, умело и оригинально: мои многочисленные фотографии под хорошо подобранную

музыку или песню сменялись реальными роликами, затем снова следовали фотографии или коллажи. Все это плавно переходило из одного в другое, наплывало друг на друга или возникало из середины предыдущего сюжета. Чудеса компьютерной техники! Несомненно, моей молодежи помогали профессионалы.

Что удивительно (уж, не знаю, кто это придумал): фильм начинался не с моих детских фотографий, через подростковые и студенческие, к современным. А, наоборот! То есть с моих нынешних лет: я на работе, дома, на даче, на отдыхе – с каждым кадром все моложе и моложе. Вот прошла наша с Ириной свадьба, вот мы с ней же – в Париже возле Эйфелевой башни. Потом целый блок моментов из моей спортивной жизни, дальше – много черно-белых институтских снимков и несколько роликов: я веселый – с друзьями и с пивом; грустный – на занятиях; задумчивый – в институтском дворе, там, где была курилка; в колхозе в обнимку с председателем; еще не знаю где – сразу с пятью девушками.

Катя, видимо, основательно распотрошила семейные альбомы: и дома, и у бабушки. Я уже начал размышлять о детских фотографиях, которые должны были, по идее, сменить институтские и школьные. Интересно, до какой степени незрелости решила выставить меня моя дочь? И есть ли в этом кинофильме моя самая первая фотка, ну, та, совсем самая первая, где я снят голышом?

Как вдруг меня ударило током: на экране появилась еще

одна фотография студенческих лет: я и Маша на фоне строящегося здания. Я совсем забыл про этот снимок! Нас тогда Васька-спецкор для институтской газеты щелкнул. Машуня в строительной каске, смотрит на меня снизу-вверх и улыбается, а моя рука тянется к ней поправить прядку волос. Без комментариев, как говорится!

Никто из окружающих и не заметил бы моего замешательства, если бы не завис компьютер. А он завис! Висит и висит, будто кто-то специально на этом месте его остановил: мол, смотри, Евгений Александрович, на свою любимую. Хотел поздравления? Вот и получай!

Кирилл пытался исправить ситуацию, присутствующие обменивались мнениями, хвалили дочку, а я сидел, как каменный и не отводил от Марии глаз, даже на Ирину не оборачивался: узнала она ее или нет?

И, когда фильм уже продолжился, раздался чей-то голос: – Ирина Васильевна, а это Вы? Такая молоденькая!
– Нет, – резко ответила жена. Но из зала не вышла.

Потому что вышел я.

В холле, изо всех сил сжав кулаки, стукнул ими по глухой стене возле гардеробной комнаты, и слава Богу, что никого в тот момент не было, потому что с потолка посыпалась штукатурка.

Выдохнул. И заставил себя вернуться.

Гости досматривали фильм, закончившийся, кстати, фотографией моих родителей. Все заплодировали и стали пить

за мою талантливую дочь и нашу крепкую семью.

Расходились поздно: после долгих веселых танцев, с непременно Ламбадой в финале, и красивого именинного торта с малюсенькими свечками. Думаю, что абсолютно все присутствующие догадывались, сколько их там было, поэтому задуть их мне удалось только со второго раза.

Держался я изо всех сил: шутил, улыбался и без конца благодарил. По-моему, все остались довольны. Все. Кроме мамы, которая уехала все же расстроенная. И нас с женой, не общавшихся после просмотра посвященного мне фильма.

В зале замелькали официанты.

Ира распорядилась, какие продукты сложить в контейнеры, какие оставить. А я вел расчеты с администратором. У меня не хватило наличных денег, и я попросил у жены ее сумочку-клатч, в которую мы складывали подарочные конверты с деньгами.

Подобных сумочек у нее было, наверное, не меньше дюжины, более новых и дорогих.

Этой же, наверное, лет десять, и носила Ира ее всего несколько раз, потому что она была просто ослепительно белого цвета.

– Возьму все же ее, – сказала жена перед рестораном, отложив бежевую миланскую сумку. – Она хоть и старая, но идеально по стилю сочетается с новыми туфлями. – И она покрутила в воздухе туфелькой.

– Какая разница, – ответил тогда я.

А сейчас, в ресторане, в этой самой сумке, в среднем отделении среди красивых конвертов, увидел обычный почтовый конверт, не очень праздничный, и не очень новый. «Интересно, кто положил деньги в старый конверт?» – успел подумать я и открыл его.

Там лежал листочек бумаги с рукописным текстом и маленькая Машина карточка с выколотыми глазами...

Держа фотографию на ладони, я подошел к жене, и, как во сне, произнес:

– Это ты убила Марию?

Из письма Марии (17 декабря 2005 год)

Привет, любимый!

Нет! Мне не выразить моих чувств! Хотя лучшие слова «любимый» в нашем языке вряд ли найдешь! Но это так ничтожно мало, если речь о моей любви к тебе!

Поэтому просто добавлю местоимение. «Привет, МОЙ любимый!»

Ровно два года, как мы с тобой не виделись... Видишь, я исправилась: пишу не «ровно два года, как мы расстались», а просто, что мы «не виделись»... Потому что мы так и не расстались!

Я знаю, что ты, просыпаясь ночами, вспоминаешь о нас.

По утрам в будни, тебе, конечно, не до меня. Но все воскресные пробуждения, я уверена, мои. Так же, как и твои

бессонницы. Только пусть их будет у тебя совсем немного.

Спасибо тебе за это, родной. Мне так важно знать и чувствовать, что ты меня не забыл!

Я слышу твой голос. Ты говоришь мне: «Привет, моя маленькая!»

И мы снова вместе. Каждой клеточкой нашего общего, единого сознания.

Но ты живешь в реальном мире. И мне есть к тебе просьба.

Речь о твоей жене. Будь с ней, пожалуйста, по-ласковой, по-внимательней. Она всегда дорожила тобой, она многое прощала тебе. Даже нашу любовь!

Я не могу даже на минуту представить, что, если бы ты любил другую женщину, а не меня!

А Ирина справилась. Ведь тяжелее пришлось не мне, всегда знающей, кому принадлежит твое сердце. Думаю, сложнее было ей, понимающей, почему ты остался в семье!

Очень прошу тебя: попробуй наладить отношения с женой. У вас все непременно должно получиться. Постройте свою жизнь на доверии и искреннем уважении. Это может быть достойной заменой любви. Тем более, что Катюшка в ней нуждается – она оказалась такой ранимой! А я буду оберегать вас.

Не распыляйся, потому что такую, как я, ты все равно не встретишь! И вовсе не потому, что я какая-то особенная, просто именно такое сердце, как мое, ты и можешь,

по-настоящему любить. А я, по-настоящему, только твое!

Пожалуй, сегодня я открою тебе великую тайну.

Наше расставание, ты, конечно, не забыл – тот последний день, когда мы были вместе. Ты до сих пор ясно помнишь и те события, которые предшествовали этому.

А вот настоящую причину озвучила моя подруга Наталья позже. И совершенно для меня неожиданную.

Это было после нашего последнего с тобой разговора.

Я не ела потом трое суток. Не могла. В горле, казалось, навсегда застрял какой-то нервный ком. Мама плакала, стоя передо мной на коленях и держа в руках сваренное всмятку куриное яйцо и маленькую детскую ложечку. Натка пугала, что отвезет меня в психушку, где будут кормления через зонд. Даже Толик, простив мое предательство, приносил дефицитные продукты и, молча положив их на стол в кухне, уходил. А ему ведь самому нужно было находиться в больнице!

На четвертые сутки я начала пить воду. И только потом – разговаривать.

Как-то вечером мы с Наташей стояли на балконе, накинув старые куртки Анатолия, и курили.

– Говорят, любовь живет три года, – зачем-то сказала я.

Подруга заспорила:

– Ерунда все это. Но ты, Машка, видимо, подсознательно себе это вбила в голову. Вашему активному, так сказать,

роману с Женькой почти четыре года. И ты решила уйти на пике, на взлете, черт тебя побери. Так, чтоб с мясом и с кровью. Чтобы, не разлюбил! Чтобы не надоела!

– Во первых, это не роман, – перебила я, – это Любовь. А, во-вторых, его слово было решающим.

– Да, не ври! Если бы ты настояла, если бы условия поставила, Женька поступил бы по-другому. Он категорически не хотел расставаться! Но тебе нужно было остаться в его памяти любимой им, обожаемой, а не надоевшей!

Она была права. Я просто боялась себе в этом признаться. Я боялась, что ты меня разлюбишь! Это страшнее, чем остаться без ног, страшнее тюрьмы, страшнее позора. Я бы все смогла пережить, только не твою нелюбовь ко мне!

Сложилось все, конечно, ни так, как мы мечтали. Но зато теперь мы точно знаем, что наши чувства вечны.

Нам повезло, что мы испытали это. Сколько любви было в каждом твоем слове, в каждом моем взгляде, в каждом нашем дыхании, в каждом нашем объятии. Это великое счастье!

С наступающим Новым годом, мой снежный Барс! Целую тебя.

Люблю. Люблю. Люблю.

Твоя Росомаха

Воспоминания Евгения. Москва (1984 – 1987 гг.)

В столицу я приехал, окрыленный великими надеждами.

В голове к месту, и не очень, крутилась одна и та же крылатая фраза Осипа Мандельштама: «... И Дар Богов – великолепный теннис!» Как она запала мне в душу, я уже не помню. Скорее всего, кто-то из девчат читал эти строки на моих проводах в Москву в начале июля по окончании сессии, после которой я оформил академический отпуск.

Гулянка, была, кстати, продолжительная и душевная. Начинали на речке: шашлычок, волейбол, катамараны, пиво. А продолжили на даче у Антона – там уже было, что покрепче. И я наслушался столько хороших тостов, что почему-то засмутился и сбежал в город, хотя народ, оставшийся ночевать, долго потом искал меня по соседним дачным участкам.

Заканчивался целый жизненный этап. Начинался новый, и мне почему-то не хотелось брать туда свою подружку Леночку. Хотя, я понимал, что это было совсем некрасиво, и нужно объясниться. Возможно, от нее я и убежал домой, к маме, как это ни странно.

С ней мы попили чай с печеными пирожками, поболтали на разные темы, стараясь особенно не касаться моего отъезда: как она будет здесь, а я там? Потом я молча смотрел на ее родное лицо, и сильные руки, которые с любовью гладили мои вещи, складывая их возле раскрытого чемодана. Рядом скучала шикарная спортивная сумка и две очень дорогие, по великому благу купленные ракетки – моя великая гордость.

В половине двенадцатого я вдруг сорвался из дома, поймал такси и назвал водителю адрес. Я давно узнал его в де-

канате – это был адрес красивой девушки Маши. Наверное, целый год собирался, но ни разу так и не съездил. Последнее время у меня была Леночка, до Леночки – Вероника, ну, и так далее – в обратном порядке. Барышни, красивые и умные, вешались на меня сами, практически предлагая себя. Это ни я, это они, научили меня любить, ну, или, точнее, влюбляться в них.

Только Мария была другая! Жаль, что она тогда не пришла на свидание. Или, наоборот, хорошо, что не пришла, и у меня не было повода разочароваться.

Я сидел возле ее дома на поваленном дереве, и смотрел на Машины окна. Дом был четырехэтажный, всего с двумя подъездами, поэтому вычислить их было несложно. Тем более, на подоконнике открытого окна, угадывался силуэт девушки. И еле слышно раздавались последние минуты рок-оперы «Юнона и Авось»: «Аллилуйя Любви»...

Стрельнул у запоздалого прохожего сигарету, слегка закашлялся и вдруг понял, что очень хочу, чтобы мое сердце было заполнено одним огромным и всепоглощающим чувством на всю мою жизнь.

– Я вернусь, Машка, – тихо сказал я себе и поехал домой.

Первые полгода я, конечно, ничего и никого не замечая, вкалывал на тренировках до изнеможения. Бывало, что играл по четыре матча за сутки. Очень хотел сразу попасть в классификацию. Грезил Уимблдоном и Кубком Дэвиса. Был

уверен, что смогу дойти до высшей победы.

Это потом я увидел, что таких, как я, десятки. Десятки жажущих удовлетворения и великой славы. Несмотря на то, что до девяностых годов особого развития тенниса в Советском Союзе не было. Мы в те годы заявляли о себе только единичными рекордами на международных соревнованиях. Но, спорт, который долгое время в нашей стране считался чисто дипломатическим, постепенно набирал силу.

Мы занимались четверками: наигрывали часы, очки, считали победы, как боевые вылеты.

Наш квартет получился интернациональным: белорус Николай Мурашов, на вид – добродушный и щедрый парень; грузин Давид Лалуашвили, признанный покоритель женских сердец; потомок немецких переселенцев Александр Шмидт и я. Из-за него нас все называли братьями лейтенанта Шмидта.

Мы реально проводили вместе двадцать четыре часа в сутки, поскольку даже жили вместе в общежитии Института физкультуры, где как раз открыли кафедру тенниса.

Давид, мы звали его Дато, вносил в нашу жизнь экстремальность и дикий южный позитив. Александр, наоборот, состоял из драматизма и раздражающего порой негатива. Эта особенность его щепетильной природы почти всегда заставляла сомневаться в честности некоторых побед и штрафных очков. Видимо, сказывались немецкие корни. Николай же, как мне казалось, при всей своей общительно-

сти и дружелюбии, постукивал на нас на всех в соответствующие органы, что не мешало, а, наоборот, помогало ему развиваться, как подающему большие надежды, спортсмену.

Таким вот бутербродным составом мы и занимались. Порой до изнеможения, порой до нервных срывов и обращений к медикам. Но пропустить очередные, пусть пока всесоюзные соревнования, было равносильно Вселенскому потопу. Для меня, по крайней мере.

Зато к женщинам в то время не тянуло вообще.

На них оставались силы, пожалуй, только у Давида. У всех остальных негласно существовал все тот же закон истребителей: «...Ну, а девушки? А девушки – потом!».

Мне порой приходили письма из родного города от двух наиболее настойчивых поклонниц. Отвечал я им, к своему стыду, редко. Или вообще не отвечал.

Иногда ярким, но невероятно теплым пятном, проносился в моем сознании образ затронувшей мою душу девушки по имени Мария. Светлая, милая, невероятно нежная. Но несмотря на внешние данные, чувствовалась в ней какая-то сила и необычайное притяжение.

Однако, теперь она осталась в другой жизни.

Наверное, навсегда. Навсегда?

Что касалось наших спортсменов, занимающихся параллельно с нами, то мы с ними просто дружили. Встречались на кортах, до одури болели друг за друга, вечерами собирались на посиделки – разговаривали о насущном: о неожидан-

но удавшихся подачах или необъяснимых промахах, о струнах для ракеток, о покрытиях на кортах, о теннисном этикете, нарушить который считалось дурным тоном. Порой, вместе с ними же, не смущаясь, болтали о диетах и тряпках, разумеется, для тренировок и соревнований.

Хотя романы между спортсменами иногда случались. Но мне кажется, это от безысходности, для экономии времени. «И для здоровья, опять-таки, полезно», – как любил говорить наш друг из солнечной Грузии.

Уроки Национальной сборной, к сожалению или к счастью, усвоились мною на всю жизнь. Я научился ставить перед собой цели и добиваться их не за счет других, а самостоятельно. И отныне всегда к этому стремился!

Порой, весь мокрый от пота, вымотанный до последнего вздоха, я думал, что больше не могу даже пошевелиться. Но тренер объявлял еще одну игру, и неожиданно, как в сказке, открывалось второе дыхание.

Кстати, о тренере. Многие говорили мне, что со временем, я непременно вошел бы в десятку лучших ракеток России. Я был очень близок к этому, если бы...

Если бы не мое природное притяжение женщин!

Нашего тренера звали ее Жанна Александровна. И выбрала она объектом своего внимания меня. Не сразу, правда.

И, хотя она больше походила на Жанну Д, Арк, мы между собой окрестили ее Жанеттой. Скорее, Железной Жанет-

той. Помимо своих спортивных и тренерских успехов, она успевала с лихвой и на любовном поприще. Вот из-за этой женщины, пожалуй, и не сложилась моя спортивная карьера. Хотя случилось это, скорее всего, из-за моей глупости и принципиальности!

Причем, первый год Жанна меня не трогала. Поговаривали, что были у нее любовные отношения с нашим лучшим игроком Григорием Анненковым. Разница в годах, как вы понимаете, лет пятнадцать, но, Жанетту это, видимо, совсем не смущало. Так же, как и огласка их служебного романа, на которое руководство закрывало глаза.

В конце 1985 года, в канун Нового года, парень исчез. Причины мы не знали, но понимали, что дорога на международные турниры ему была закрыта.

И именно с этого периода я стал ловить на себе многозначительные взгляды Жанны Александровны. Видимо, ее тренерское тело желало новую жертву.

– Свят, свят, – надеялся я, – авось, пронесет. Но она начала меня разглядывать уже с пятиминутной разминки перед соревнованиями, не говоря уж о многочасовых тренировках. Я же категорически не смотрел в ее сторону, молча выслушивал бесконечные придирки и никогда не перечил.

Наш Давид давал, в принципе, правильные советы, сочувствовал, видя, что я нервничаю и срываю игру за игрой.

– Ты бы с ней всего один разочек бы замутил, ну, так, чтобы ей очень сильно не понравилось. Ну, там, рыгнул бы

или пукнул. Глядишь, она на кого-нибудь другого бы переключилась. Потому что, я, как грузин, смотрю в самый корень, – при этом, он очаровательно засмеялся. – И вижу на сегодняшний день у тебя всего два пути: или на мировые соревнования, или прочь из спорта!

– Да, ладно тебе пугать меня. Не хочу я с ней. Даже ни разу. Все. Тема закрыта.

Давид в очередной раз с сожалением вздохнул и покачал головой.

А недели через две после тренировки, когда я был в раздевалке один, в комнату бесцеремонно вошла Жанна. Я так и застыл.

Она подошла вплотную, протянула обе руки и с силой сжала мои ягодицы. Меня словно подбросило. Я резко отодвинул тренера от себя. Так и держал руки во время короткого разговора, не подпуская ее ближе.

– Ты хороший мальчик. Все равно полюбишь добрую тетю Жанну, – прошипела она, скользнув глазами по переднему полотнищу моих шорт.

– Сомневаюсь, – выдохнул я.

С тех пор я боялся оставаться с ней наедине, а она, наоборот, постоянно создавала такие ситуации. В глубине души, я, конечно, надеялся, что ей надоест играть в эти детские игры. Главное было для меня – поехать летом в Европу, во Францию. Я очень на это надеялся!

Наступила весна. В первых числах марта мы прилетели

на Всесоюзные соревнования в Ростов. Летели со смехом, на подъеме. И настроение было соответствующее, весеннее. Я уже мысленно выиграл не менее семидесяти пяти процентов всех запланированных согласно сетке встреч, и мечтал съездить в родной город, к маме. Если не на восьмое, так хоть на десятое марта. В этом году как раз выпадали трехдневные выходные.

А при заселении в гостиницу меня ждал сюрприз в виде одноместного полулюкса. Хотя все остальные спортсмены были расселены по-двое в обычные бюджетные номера. Люкс Жанны Александровны, естественно, находился на моем этаже.

– Сегодня совершится набег, – начал нашептывать Давид, а все остальные парни многозначительно посмотрели на меня (кто с пониманием, кто с издевкой) и, позвякивая ключами, стали расходиться по номерам.

Я вошел в шикарно обставленный номер, состоящий из двух комнат, и прямо обутый с разбегу плюхнулся на кровать в спальне. Я был так зол и рассержен, что никак не мог ничего придумать!

Если бы не Ирка, я бы точно провалил все соревнования. Потому что единственная мысль, которая меня посетила спустя полчаса – это выпить и устроить дебош, чтобы меня дисквалифицировали и отправили домой. Совсем недавно я стал играть в одиночном разряде, так что никого бы не подвел.

Ира подрабатывала у нас доктором, ездила с нами почти на все соревнования. Было ей лет двадцать пять-двадцать шесть, но в виду своей миниатюрности, выглядела она, как студентка медицинского ВУЗа. Ее можно было назвать симпатичной. Но, как это принято говорить, без изюминки. А вот Николаше она нравилась – он даже пытался ее как-то склеить, но получил неожиданно жесткий отпор.

Знала ли Ирина про Жанкины домогательства что-то конкретное или просто по-женски догадывалась? Я так и не понял тогда. Только через полчаса моих терзаний на гостиничной кровати в поисках решения, Ирина постучала в дверь моего номера.

– Евгений, простите меня, но на последней тренировке мне совсем не понравилось Ваше колено. Да, и голеностоп вихляет. Думаю, нам нужно срочно поехать в больницу, сделать рентген и показаться травматологу, чтобы завтра не было неожиданностей, – таинственным голосом произнесла молодая докторша.

– Ирина Васильевна, спасительница! – я схватил ее в охапку и закружил по комнате. – Мне самому сказать Жанетте, что мы уезжаем?

– Нет, давайте сделаем так: сначала тренировка, где Вы не особо усердствуете, потом мы ужинаем, тянем время, после чего Вы случайно попадаетесь Жанне Александровне на глаза, и с мученическим лицом направляетесь в свой номер. А я – в ее. Там ближе к ночи решили посидеть тренеры, так

сказать, для творческого настроения, куда я тоже приглашена. Но, естественно, я не останусь, а объявлю всем, что повезу Макарова на рентген в местный травмпункт, где, кстати, работает мой однокурсник. Главное, задержаться там подольше и потом посильнее напугать Жанну.

Все это время я держал Ирину на руках, и, когда она замолчала, мы оба смутились. Я как-то неожиданно быстро опустил ее на пол. Она слегка покраснела и незаметно поправила темно-синюю водолазку:

– Встречаемся в холле в 20.30. Хорошо?

– Хорошо.

– Только, Евгений, прошу Вас, пожалуйста, ни одному человеку не говорите правду. Я просто решила помочь.

– Договорились. У меня тоже есть условие. Давай на ты?

Ира улыбнулась, кивнула головой и вышла из комнаты.

После ужина мы вызвали такси, и под любопытные взгляды спортсменов, быстро покинули гостиницу.

Я прикинул вслух:

– Часа два на дорогу и больницу. И часа два нужно где-то убить. Ты, кстати, откуда узнала, ну, про все это? Женское чутье?

– Да нет у меня никакого чутья, и никогда не будет, видимо, – усмехнулась Ирина. – Парни стояли возле стойки у входа, когда ты ушел, и обсуждали весь процесс до мелочей, даже меня не стеснялись. Один только Николай молчал, потом на них прикрикнул и Григория им напомнил. Тогда я

все поняла. И приняла решение.

– Спасибо, доктор, – поблагодарил ее я. – Уж больно во Франции на «Ролан Гароса» хочется поиграть.

Мы ехали по каким-то полутемным улочкам. Талый снег лежал черно-белыми горками вдоль тротуаров. Весна в этом году была затяжная, и даже здесь, намного южнее, было прохладно. Но запах был уже другой, особенный: весенний и волнующий. Или это просто у меня давно не было женщины?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.